

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СЛОВЕСНОСТЬ И КУЛЬТУРА КАК ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК ТРУДОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГПУ

к 1416243

ВОЛОГДА
2010

Ю. И. Чайкина

ИСТОРИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИИ И ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИКИ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА

К вопросу о влиянии разных письменных центров на антропониимию памятников деловой речи в XV—XVII вв.

Исследование особенностей памятников деловой сферы, относящихся к разным письменным центрам Русского государства XV—XVII вв., — одна из первостепенных задач, стоящих перед лингвистами [Дерягин, 1980]. Известно, что в документах разных жанров приказного языка в ряде случаев отмечается значительное количество антропонимов. Попытки показать локально отмеченные средства именования человека представлены в работе С.Н. Смольникова. Он отмечает наличие в ряде памятников локальных средств номинации лица: *Огафан* (вм. *Огафон*) в каргопольских документах; *Грихно*, *Вахно* — в новгородских, псковских источниках и т.д. [Смольников, 2005].

Задача настоящей статьи — на материале сборных памятней Важского уезда XVII в. показать особенности в именовании лиц, свойственные писцам, придерживающимся норм делового письма Новгородской земли или Московской Руси.

В сборных памятях отражались сборы налогов в черносошных и дворцовых волостях Поморья*. Сборщиками являлись местные жители, писали памяти местные волостные дьячки.

В прошлом Важский уезд — территория Новгорода Великого. Известно, что в конце XV — в первой половине XVI в. Новгородские земли переходят к великому княжеству Московскому (1477—1478 гг.), в результате чего крестьяне становятся подданными Москвы и приобретают статус черносошных [Копанев, 1970: 445].

---

* Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI — XVII в. опубликованы Ю.С. Васильевым в книге «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник». Вып. III. — Вологда, 1973.

В настоящей работе подвергается анализу антропонимия трех сборных памятней Важского уезда 1593 г., 1638—1639 гг. и 1688 г. Рассмотрим состав именованний крестьян, происхождение компонентов имени (календарные — некалендарные), а также первый компонент именованния с точки зрения строения (полные имена и модификаты). Вместе с тем подвергнем анализу особенности жанра сборных памятней и эволюцию его на протяжении столетия.

В сборной памяти 1593 г. насчитывается 90 наименований крестьян, из них 14 однокомпонентных, 66 двухкомпонентных и 10 трехкомпонентных. Первый компонент обычно представляет собою календарное личное имя (73), некалендарных всего 9 имен, в том числе *Переюра Федоров* (358), *Меньшой Гаврилов* (359), *Ждан Степанов* (359), *Семой Родивонов* (359), *Третьяк* (360), *Шеляка* (358), *Некрас Григорьев* (358), *Поздей Федоров* (358), *Переюра Попов* (360), *Удалец* (358). Как видно, большинство этих имен внутрисемейные.

Первые компоненты двухкомпонентных именованний восходят в подавляющем большинстве случаев к полным календарным личным именам: Ср. *Денис Назаров* да *Иван Савелов* (358), *Кирило Вахрашев* да *Тарас* (357), *Дмитрей Володимеров* (357), *Федосей Савельев* (363) и многие другие. Наиболее активными среди календарных личных имен являлись *Григорей* (5), *Андрей* (4), *Иван* (4). Отмечено всего лишь два неполных календарных личных имени (модификаты): *Митя Александров* (358), *Юшко* (359).

Несколько слов о втором компоненте двучленных именованний. Второй компонент (патроним) также обычно восходит к полному календарному личному имени отца именуемого: *Андрей Иванов* (359), *Семен Малафеев* (360), *Семен Данилов* (360) и др. В редких случаях второй компонент является вторым личным именем именуемого: *Афанасей Катаи Михалев* (357), *Тимофей Сорока* (360). Изредка второй компонент образован от некалендарного имени отца: *Сава Одашев* (358), *Григорей Тескаев* (359), *Андрей Мезенцев* (358).

Третий компонент в трехчленных именованниях (в сборной памяти 1593 г. их всего 10) обычно восходит к некалендарному

имени отца или деда: Семен Афанасьев *Возицков* (358), Фома Леонтиев *Коростелев* (358), Василий Андреев *Лыжин* (358), Андрей Федоров *Шутов* (358), Михайло Андреев с. *Бурухина* (359), Андрей Иванов с. *Нарабалдин* (359) и др.

Обратимся к сборной памяти 1638–1639 гг., в ней насчитывается 260 именовании крестьян, из них однокомпонентных 67, остальные двухкомпонентные, трехкомпонентные отсутствуют, за исключением двух: кабацкой откупщик Иван Юрьев Шыпунов (369), Иван Исаков Шешенин (372).

Личное имя в однокомпонентных и в двухкомпонентных именовании почти всегда являлось календарным. Отмечено только 6 (из 260!) имен, являющихся внутрисемейными некалендарными по происхождению: *Малко* (368), *Пятой* Иванов (368), *Пятой* Парфенов (368), *Третьяк* Исаков (369), *Третьяк* Носков (369), *Пятко* Нечаев (372).

Почти все календарные личные имена выступают в полной форме, обнаружено только несколько модификатов с суффиксом -к: *Гаврилко* (372), *Фешко* (370), *Федотко* Козмин (370), *Захарко* (370), *Олферко* (368) и *Васка* Гордиев (368). Ср. также два некалендарных внутрисемейных имени *Тренка* Носков (372), *Пятко* Парфенов (368).

Второй компонент сборной памяти 1638–1639 гг. представляют собой патронимы, образованные от календарных личных имен: Стефан *Исаков* (373), Нифонт *Мосеив* (373), Максим *Савин* (373), Петр *Кирилов* (373) и многие др. Патронимов, образованных от некалендарного имени отца, всего 12 (из 260!): Иван *Аыжин* (366), Нестер *Воциков* (366), Михайло *Рябев* (361), Прокопий *Сорокин* (361), Омельян *Коциев* (362), Мелеха *Уродов* (370), Иван *Шешенин* (369), Федко *Жданов* (369), Карп *Катаев* (368) и др.

В сборной памяти 1688 г. перечисляется 147 крестьян, причем все именовании двухкомпонентные, однокомпонентные и трехкомпонентные отсутствуют.

Первый компонент именовании представлен только календарным личным именем. Ср.: *Карп* Романов (377), *Афанасей* Тимофеив (377), *Елисей* Иванов (377), *Фока* Минин (377) и многие другие. Самыми распространенными именами являются *Иван* и

Федор. Все календарные личные имена являются полными формами, модификаты отсутствуют.

Вторые компоненты восходят к календарным личным именам отцов, исключениями являются именованья: Викула *Сехаичев* (376), Иван *Спицын* и Иван *Шерокого* (377).

Проведем общий анализ компонентов именованний трех сборных памятей. Не следует думать, что крестьяне во всех случаях именовались календарными именами. В устном общении жители Троицкой волости называли себя и календарными и некалендарными именами. Доказательством служат названия селений Троицкой волости, многие из них образовались от некалендарных личных имен: д. Кротовская (357) ← Кротъ, д. Щеколдинская (358) ← Щеколда, поч. Угримов (358) ← Угримъ, д. Кисловская (358) ← Кислой, д. Кривошеинская (359) ← Кривошея и др.

В данном случае речь идет, по-видимому, о сложившемся стереотипе некоторых жанров письменных деловых документов Новгородской земли — именованья жителей по преимуществу календарными именами, что нашло отражение в сборных памятях, написанных местными волостными дьячками.

Судя по исследуемым документам количество некалендарных личных имен или сводилось к незначительному числу (73 — 9, 254 — 6), или они вовсе отсутствовали (сборная память 1688 г.). В ряде других документов Двинского у., исследованных нами, наблюдалась почти такая же картина [Чайкина, 2001: 259–260; Чайкина, 2005: 111–112].

Аналогичные данные в этом плане приводит Р.Л. Сельвина. В Новгородских писцовых книгах XV — начала XVI в. «на 1000 именованний встречается всего лишь 9 случаев наречения некалендарным именем — (0,9%)» [Сельвина 1976: 14]. В сравнительно недавно опубликованных новгородских писцовых книгах XV — XVI вв. [Писцовые книги Новгородской земли. Т.1. — М, 1999, составитель К.И. Баранов], не вошедших в известные публикации Санкт-Петербургской Археографической комиссии (СПб, вторая половина XIX в.), первый компонент именованья крестьян почти во всех случаях календарное личное имя в описаниях Шелонской и Водской пятин, в писцовых книгах Бежецкой и Обонежской

пятинны отмечают отдельные случаи употребления некалендарных имен.

Между тем в документах разных регионов Московской Руси именованья крестьян в XVI — XVII вв. представлены были не только календарными, но и значительным количеством некалендарных личных имен. Приведем только один пример. Судя по материалам документов Верхнего Подвинья, в первой половине XVII в. некалендарные имена в разных станах составляли от общего числа имен 10%, 20% или даже в некоторых станах 40,2% и 41,9% [Смольников КД. Приложение].

В анализируемых сборных памятях крестьяне именуется по преимуществу полными личными именами, в источнике 1593 г. из 90 имен только 2 модификата, в сборной памяти 1638—1639 гг. из 260 имен только 8, в сборной памяти 1688 г. они отсутствуют вовсе. Это не означает, однако, что в устном общении на данной территории модификаты отсутствовали. Они, например, дают о себе знать в названиях деревень, приведенных в одной их сборных памятей: д. Тимошинская (377) ← Тимоша ← Тимофей, д. Яшинская (358) ← Яша ← Яковъ, д. Стахийевская ← Стахий ← Ефстафий, селение Онушкино (359) ← Онушко ← Ануфрий и др.

Известно, что неполные личные имена широко употреблялись в XVI — XVII вв. в деловых документах ряда жанров Московского государства. Особенно активны они были в писцовых, переписных, в сотных (выписках их писцовых книг), а также в челобитных. Писцовые, переписные книги составлялись по заданию Москвы, за процессом написания наблюдали московские должностные лица. В результате писцовые книги составлялись по единому образцу, именованья низших слоев населения (крестьян, посадских людей) осуществлялись с помощью модификатов. В писцовых книгах Новгорода Великого XV — XVI вв. крестьяне и посадские люди тоже последовательно именуется неполными личными именами (модификатами): например «Деревня Заполье: Прокош, Левонко Онтушов, Харитоник Кирилов, пасынок его Микулка, Васько Игнатов (Писц. кн. Дерев. пят. 1490//НПК, с. 31); деревня Гадова: Демидко Петрушин, дети его Ивашко, Гридька, Васко» [Там же] и многие др. Но это касается только писцовых книг.

Наличие или отсутствие модификатов могло зависеть также и от того, оставались ли документы на месте или отправлялись в Москву. Активизация модификатов в Новгородских писцовых книгах объяснялась тем, что эти документы обязательно отправлялись в Москву, для Москвы они и писались. Сборные же памяти оставались на месте, в канцелярии Важского у., поэтому писцы не считали нужным употреблять модификаты. Полные формы личных имен — особенность Новгородской деловой письменности.

Исследованные источники относятся к концу XVI — XVII в. Напомним, что только в начале XVIII в. указом Петра I запрещено было именоваться в деловых документах полуименами, всем сословиям следовало именоваться полными именами.

Таким образом, в деловой письменности Новгородской земли, а позже в документах, подвергшихся влиянию ее норм, задолго до реформы Петра I низшее сословие, крестьяне, именовалось с помощью полных личных имен.

Обратимся к рассмотрению специфики жанра сборных памятей и эволюции его на протяжении столетия (на материале антропонимов).

Приведем сводную таблицу употребления антропонимов в анализируемых источниках.

Годы	Всего именованных	Первый компонент		Структура первого компонента		Количество компонентов		
		календарные	некалендарные	полные	модификаты	однокомпонентные	двухкомпонентные	трехкомпонентные
1593	90	73	9	88	2	14	66	12
1638—1639	260	254	6	252	8	67	193	—
1688	147	147	—	147	—	—	147	—

Как видно из таблицы, в данном жанре деловой письменности Важского у. употреблялись по преимуществу полные календарные личные имена, причем именованья были двучленные. Употребление календарных полных личных имен в письменных источниках — традиция деловой письменности Новгородской земли. Что касается двучленности именованья, то, по мнению антропонимистов, в документах XVI — XVII вв. Московской Руси большинство именованья было двучленными, рядом с личным именем стояло и именованье по отцу, т.е. патроним [Чичагов, 1959: 6; Пахомова, 1989; Ганжина, 1992: 13 и др.], иными словами, двучленность — это общерусская норма.

Отсутствие трехчленных именованья — особенность жанра местных документов — сборных памятей, поскольку сборщики податей хорошо знали податное население своего участка; им достаточно было не только двучленного, но даже одночленного именованья.

Изменения в антропонимиконе документов данного жанра в течение столетия связаны с полным исчезновением из текстов сборных некалендарных имен, преимущественным употреблением полных форм имени и утратой однокомпонентных именованья, что имело прямое отношение к складыванию норм деловой письменности Русского государства в национальный период.

Примечания

1. Ганжина И.М. Тверская антропонимия XVI в. В сравнительно-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг) // Автореферат дис. канд. филол. наук. — Тверь, 1992.

2. Дерягин В.А. Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов // ВЯ. — 1980. — № 4.

3. Копанев А.И. К вопросу о структуре земледелия на Двине в XV—XVII вв. // Вопросы аграрной истории России. — Вологда, 1970.

4. Сельвина Р.Л. Личные имена в Новгородских писцовых книгах XV—XVII вв. // Автореферат дис. канд. филол. наук. — М., 1976.

5. Смольников С.Н. Антропонимическая система Верхнего Подвинья в XVII в. // Автореферат дис. канд. филол. наук. — Вологда, 1996.

6. Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI — XVII вв. — СПб., 2005. — С. 56—68.

7. Пахомова С.Н. Русские составные личные именованя донационального периода // Автореферат дис. канд. филол. наук. — Одесса, 1989.
8. Писцовые книги Новгородской земли. — Т. 1. — М., 1999.
9. Чайкина Ю.И. Наименования крестьян в Куростровских столбцах во второй половине XVI в. // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. — Вологда, 2001.
10. Чайкина Ю.И. Антропонимы в местных документах XVI — XVII вв. (на материале купчих Двинского у.) // Актуальные проблемы русистики. — Томск, 2000.

**Семантика некалендарных прозвищных личных имен
в деловой письменности Северной Руси начала XVII в.
(на материале писцовых книг
Белоозера, Вологды, Великого Устюга)**

Имена — это тоже язык, язык и культура в своих,
может быть, характернейших ракурсах...
которые могут объяснить многое в языке
и культуре вообще.

О.Н. Трубочев

В ряде работ по исторической антропонимике (В.Д. Бондалетов и другие) дается периодизация восточнославянской антропонимии. Как правило, выделяются два периода: дохристианский и христианский. Граница между ними — 988 г. — год крещения Руси. В.А. Никонов делит второй (христианский) период на четыре более мелких: 1) X—XIII вв.; 2) XIV—XVII вв.; 3) От Петра I до реформы 60-х годов XIX в.; 4) 1861—1917 гг. [1].

Выделение двух периодов — X—XIII вв. и XIV—XVII вв., соотносящихся со временем существования общевосточнославянского (древнерусского) языка и языка великорусской народности (старорусского), — оправданно, потому что состав и структура русского именника в эти периоды существенно различались. Именник восточных славян в период их этнической общности изучен явно недостаточно, хотя в наши дни в связи со значительным пополнением состава берестяных грамот уже можно выявить особенности антропонимической системы этого отдаленного от нас времени.

Попытки такого рода уже предпринимались лингвистами. Помимо работ С. Роспонда, Н.А. Мещерского и др., отметим статью Н.В. Подольской, в которой выделены группы древнейших некалендарных имен: первично непроизводные (*Кривъ, Малъ, Сытъ* и др.), сложные (компози́ты): *Бориславъ, Ратъмиръ, Мирославъ*, вторичные производные (*Нажиръ, Несулъ*), отмечено также наличие прибалтийско-финских антропонимов. Отличительная черта древнейшей славянской антропонимии — наличие общеславянских (и даже индоевропейских) элементов, преемственность имен в ходе динамики антропонимической системы [2].

Эти и некоторые другие работы положили начало исследованию антропонимов древнерусского языка. Антропонимическая система X—XIII вв. требует дальнейшего глубокого и всестороннего изучения.

Антропонимия более позднего времени (XIV—XVII вв.) изучена более основательно (см. работы А.М. Селищева, Н.М. Тупикова, В.К. Чичагова, С.И. Зинина, А.Н. Мирославской и др.). Однако и здесь остается множество не решенных пока еще вопросов. Достаточно напомнить, например, различные мнения по поводу разграничения некалендарных личных имен и прозвищ. В.К. Чичагов считает, что в XV—XVII вв. некалендарные имена были уже не именами, а прозвищами [3]. По словам М.К. Тупикова, старые русские имена всегда были официальными, различий между именами и прозвищами в структурной формуле именовании человека не было [4].

Даже беглый взгляд на состав и структуру имен русского языка XV—XVII вв. свидетельствует о глубоких различиях в именовании людей в сравнении с периодом XI—XIII вв. Значительно активизируются в языке великорусской народности календарные имена, почти полностью выпадают композиты (за исключением тех, которые нашли отражение в святцах). Именно в этот период формируются две группы некалендарных имен, которые долгое время не находили общепринятых названий. А.М. Селищев именует их некалендарными личными именами и прозвищами. К сожалению, отличительные признаки этих групп ученым не были выделены. Более того, А.М. Селищев дает семантическую (по

значению основы) и морфемную (по суффиксальным элементам) классификацию некалендарных имен в целом, не разграничивая личные имена и прозвища [5].

А.Н. Мирославская называет эти две группы имен первичными и вторичными некалендарными. Опираясь на семантическую классификацию А.М. Селищева, в составе первичных она выделяет названия людей по порядку и времени рождения (*Первушка, Поздей*), имена, указывающие на отношения родителей к факту появления нового члена семьи (*Бажан, Ждан, Кручина*), имена, характеризующие внешний вид новорожденного (*Белый, Кроха, Худяк*), именованя, определяющие черты характера, поведения, проявляющиеся с детства (*Безсон, Будай, Неупокой*).

В составе вторичных антропонимов ею названы именованя по профессии, социальному положению, по месту происхождения, этнической принадлежности, по названиям животных, птиц, рыб, предметов, по внешнему виду, особенностям поведения, характеру, проявляющимся у человека, уже вышедшего из младенческого возраста. Подробная классификация вторичных некалендарных имен в ее работе отсутствует [6].

В дальнейшем Б. Унбегаун дает более удачные, на наш взгляд, названия этим группам: внутрисемейные личные имена и прозвищные. Именно эти термины нашли широкое применение в исследованиях по ономастике.

В работах по исторической антропонимике последних десятилетий (А.Н. Мирославской, Б. Унбегауна, Г.Я. Симиной, Т.В. Бакваловой и других) уже выявлены некоторые отличительные особенности внутрисемейных и прозвищных некалендарных личных имен. Суммировать их можно схематически.

	Внутрисемейные имена	Прозвищные имена
Время возникновения	Давались в семье после рождения ребенка	Присваивалась человеку во взрослом состоянии
Функция	Обычно идентифицирующая	Характеризующая, чаще вместе с идентифицирующей

	Внутрисемейные имена	Прозвищные имена
Стадия формирования	На онимической стадии	На апеллятивной стадии
Объем группы	Несколько десятков антропонимов	Несколько сотен антропонимов
Морфемная структура	Наличие суффиксов субъективной оценки	Суффиксы субъективной оценки отмечены в редких случаях
Местоположение в составе именовании	Обычно на первом месте	Обычно на втором месте, изредка на первом
Ареал	Общерусские	Общерусские и локальные
Роль в современной антропонимической системе	В составе фамилий	В составе фамилий и прозвищ

Сопоставление признаков некалендарных внутрисемейных и прозвищных личных имен с календарными может подсказать ответ на вопрос, почему именно внутрисемейные имена активно «сопротивлялись» вытеснению христианскими и сохранялись на Руси более длительный период. Многие признаки внутрисемейных имен, отличные от прозвищных, сближают их с календарными христианскими именами (функция, морфемная структура, местоположение в составе именовании, роль в современной антропонимической системе). Недаром в работах ряда антропонимистов отмечается, что внутрисемейные имена составляют функциональное ядро некалендарных личных имен (А.М. Селищев, Т.В. Бахвалова).

Вместе с тем незначительный объем данной группы (несколько десятков антропонимов) вызвал появление одноименности и тем самым способствовал формированию значительного количества прозвищных имен, которые становились обычно дополнительными именами в формуле именовании, идентифицирующими личность.

Некалендарные прозвищные имена русского языка XV—XVII вв. изучены недостаточно, особенно в семантическом плане.

Между тем они представляют исключительный интерес для исторической антропониимии и — шире — исторической лексикологии русского языка. Эти имена относятся к числу тех, которые дают возможность многое познать не только в русском языке того времени, но и в культуре.

Настоящая статья как раз и посвящается семантическому анализу прозвищных имен, отмеченных в переписных и дозорных книгах начала XVII в. таких северных городов, как Белоозеро, Вологда, Великий Устюг [7].

Известно, что XVII в. — это период, в течение которого некалендарные имена наиболее активно вытесняются заимствованными христианскими. Дальнейшее рассмотрение материала свидетельствует о том, что на Русском Севере в первой половине XVII в. некалендарные имена еще устойчиво сохраняют свои позиции, что подтверждает мысль О.Н. Трубачева о большой стойкости и преимущественном употреблении в деловой сфере традиционных русскославянских личных имен [8].

В исследуемых источниках некалендарные прозвищные имена могли выступать в качестве личного имени, являясь иногда единственным компонентом именованья (*Живляк* — ДКБ, 71; *Петеля Захаров* — ДКБ, 36); второго дополнительного личного имени (*Семейка Гнус* — ДКВ, 357; *Васька Шабала* — ПКВУ, 175). Кроме того, на их основе формировались полуотчества и фамильные прозвания (*Данилко Угримов* — ДКБ, 60; *Максимко Цыкавин* — ПКВУ, 164; *Ондрюшка Микифоров Бекетов* — ПКВУ, 200; *Вторышка Ильин сын Турьзаков* — ДКБ, 45). Такого рода патронимы и фамильные прозвания являются базой реконструкции прозвищных имен.

Все исследуемые прозвищные имена делятся на две неодинаковые по объему лексико-семантические группы: в составе первой объединяются имена, содержащие характеристику самого именуемого (его внешний вид, внутренние качества, поведение). В составе второй, намного уступающей по объему, — имена, характеризующие человека по отношению его к разным сторонам жизнедеятельности, различным жизненным обстоятельствам (по названию рода деятельности, указание на социальное и имуще-

ственное положение, на этническую принадлежность, на прежнее место жительства и т.д.).

Первая АСГ делится на ряд подгрупп. Самая значительная из них связана по происхождению с апеллятивами, характеризующими внутренние душевные качества человека, его поведение и характер. В составе ее объемом и компактностью выделяется лексическое множество, компоненты которого соотносятся с нарицательными именами-существительными, отражающими особенности речи и характера человека. Отметим в составе данной группы прозвищные личные имена, восходящие к апеллятивам со значением: а) 'болтливый человек, пустомеля': Ондрюшка *Мелень* (ДКБ, 59), Ондрюшка *Балакша* (ПКВУ, 176), Васька *Гундаров* (ПКВУ, 175), *гундарь* 'болтун, пустомеля, говорун' (Д: I, 408); Лазутка *Зех* (ДКБ, 69), *зехать* новг., твер. 'кричать, орать' (Д: I, 681); *Супыря* Некрасов (ДКБ, 36), *супорить* влдг. 'говорить пустое, вздорное, попусту толковать' (Д: III, 365); Васька *Шабала* (ПКВУ, 175), *шабала* 'болтун, лгун, балагур' (Д: IV, 642); Нечай *Щелкунов* (ПКВУ, 336), *щелкун* 'пустобай, забияка' (Д: IV, 653) и др. б) 'человек с невнятной, гнусавой речью': Тренка *Бормот* (ДКВ, 226), *бормот* 'кто говорит невнятно, про себя, ворчит' (Д: I, 131); Ондрюшка Микифоров *Бекетов* (ПКВУ, 200), *бекетать* 'кричать по-овечьи, мямлить' (Д: I, 80); Федор *Ревякин* (ПКВУ, 191), ревяка прозвище медведя, *ревун* 'крикун, плакса' (Д: IV, 89); Ортемка *Гнусин* (ПКВУ, 218); Семейка *Гнус* (ДКВ, 357); *гнус* 'тот, кто говорит в нос, гнусаво' и др.

Общую сему с рассмотренными прозвищными личными именами имеют имена, образованные от существительных со значением 'беспокойный, шумный, вспыльчивый человек': Одрюшка *Опалиха* (ДКВ, 350), *опальство* 'вспыльчивость', *опальчивый* 'гневный, вспыльчивый' (Д: II, 675); *Петеля* Захаров (ДКБ, 36); *петельщик* 'сорванец, вспыльчивый человек' (Д: III, 106); Ивашко *Трека* (ДКВ, 354), *трекать* влдг. 'бить, колотить' (Д: IV, 428); Вторышка Ильин сын *Турьзаков* (ДКБ, 45), *туразить* 'гонять, ловить с шумом, криком' (Д: IV, 444); Жданко Яковлев *Гремячей* (ПКВУ, 176) и др.

Более негативный характер имели личные имена, восходящие к существительному со значением 'брюзга, сварливый человек', а

также 'угрюмый, суровый': Степанко *Рагоза* (ДКВ, 348), поп *Рагоза* (ДКБ, 78), Неупокой *Рогозин* (ДКБ, 50), *рогоза* сев. 'ссора, брань'; 'сварливый, неуживчивый человек' (Д: IV, 2); Ортюшка Ильин сын *Копосов* (ДКБ, 42), *копоский* вологод., новг. 'придирчивый, брюзгливый' (Д: II, 158); Данилко *Угримов* (ДКБ, 60), Фетка *Суворов* 352), *суворый* перм. 'суровый, сердитый', *сувор* 'нелюдим, брюзга' (Д: IV, 353); Максимко *Цыкавин* (ПКВУ, 164), *цыкавый* зап. 'сварливый' (Д: IV, 574).

Примыкают к данной группе личные имена, образованные от существительных со значением 'тот, кто ссорит людей, издевается и смеется над ними': Ивашко *Галибин* (ДКВ, 390), *галиться* сев. 'смеяться, издеваться' (Д: I, 312); Тренка Ондреев *Гиганов* (ПКВУ, 163), *гиганить* вят., перм. 'зубоскалить, поднимать на смех' (Д: I, 350), *Матурко* Логинов (ДКБ, 108), *матуриться* новг. 'издеваться' (Д: II, 302); Богдашко *Чмутов* (ДКБ, 50), *чмутить* перм. 'ябедничать, смущать, ссорить' (Д: IV, 602); Ромашко *Дерябин* (ДКБ, 54) и др.

Отмечены личные имена, образованные от апеллятивов, характеризующих моторику человека — подвижный, быстрый, лихой, отважный: *Лихачко* (ДКБ, 53); Филатко *Лихачёв* (ДКБ, 52); Олешко Иванов сын *Огонь* (ДКБ, 45); Терешко *Быструня* (ДКВ, 341), Ивашко *Удалой* (ДКВ, 337); Туранко (ПКВУ, 212), *туровый* вологод., новг. 'скорый, быстрый, бойкий' (Д: IV, 444).

Особо можно выделить группу личных имен, в лексическом значении которых доминирует денотативная сема 'суетливый человек': Ивашко Петров *Булдаков* (ПКВУ, 192), *булдачиться* 'суетиться, метаться, суматошиться' (Д: I, 140); *Суета* Мирин (ДКБ, 99); *Тюшланка* Петров (ДКВ, 339); Некрас *Тюшаков* (ДКБ, 68), *тюшиться* костр. 'суетиться' (Д: IV, 450), *Шемячко* Наумов (ДКБ, 75), *шеметать* 'суетиться попусту, бездельничать' (Д: IV, 628).

Сравнительно невелик круг слов, которые соотносятся с апеллятивами, характеризующими человека по его мыслительным (интеллектуальным) способностям. Критически оценивались излишняя простота, несообразительность, тупоумие: Павлик *Булыга* (ДКВ, 359), *булыга* 'болван, дубина, неотесанный человек' (Д: I, 141); Ивашко *Гогунин* (ПКВУ, 175), *гогона* новг., череп. 'болван,

чучело' (Д: I, 364); Юшко Бусырев (ДКВ, 362), *бусырь* 'глупый человек, придурок' (Д: I, 681); Лазурка *Зех* (ДКБ, 69), *зеха* пск., твер. 'разиня, простофиля' (Д: I, 681); Ефим *Дураков* (ДКБ, 54); Михайло *Дурносолов* (ДКБ, 68); Ивашко *Сопухин* (ПКВУ, 178); Богашко *Тютя* (ДКВ, 347) и др.

Намного обширнее группа личных имен, дающих социальную оценку характера и поведения именуемого, в основном пейоративную. Осуждалось поведение человека, не желающего работать, бездельника, занимающегося бродяжничеством: Фетко *Базука* (ДКВ, 346), *базук* вологод. 'бранчливый, шатун, своевольный' (Д: I, 381); *Таскайко* (ПКВУ, 197), *таскун* 'шатун, беспутный проедала' (Д: IV, 392); *Шишарка* (ПКВУ, 202), *ишишара* перм. 'сброд, шваль, голь перекатная' (Д: IV, 636); Матюшка Борисов *Шельгин* (ПКВУ, 202), *Шельига* Тяпрингин (ДКБ, 50), *шельиган* новг. 'шалопай, бродяга, бездельник' (Д: IV, 620); Семен *Шиш* (ДКБ, 60), *ишиш* вят. 'шатун, бродяга, вор' (Д: IV, 636); *Гуляйко* (ДКБ, 45); *Гуляйко* Васильев плотник (ПКВУ, 183); Якунко *Кастя* (ДКВ, 335), *касть* 'пакость, мерзость, гадость' (Д: I, 95); Брага Мосеев (ПКВУ, 191); Брага (ДКВ, 380), Олешка *Роспута* (ДКВ, 402); Пьянка (ДКВ, 355); Микифор *Хорохора* (ДКБ, 60), *хорохорник* 'оборванец' (Д: IV, 561); Петр *Беспортошник* (ДКВ, 370); Богашко *Лежибоков* (ДКВ, 365); ср. также: Иван *Похабов* (ПКВУ, 905); Васка Иванов *Соплин* (ПКВУ, 200); Гришка *Вишвков* (ПКВУ, 189) и др.

К данному лексическому множеству примыкают прозвищные имена, характеризующие внешний облик человека и одновременно вскрывающие внешнюю сущность его: Пятунка Петров сын *Огваздин* (ДКБ, 43), *огваздать* твер. 'обмазать, опачкать, огадить' (Д: II, 642); *Урюна* (АСВР, 1561, 293), *урюна* новг. 'неряха, разгильдяй, замаранный' (Д: IV, 610); *Грязка* Сергеев (ДКВ, 365); Сенка *Заварза* (ДКВ, 365). Не остается незамеченным и такое свойство личности, как изишняя щеголеватость: Васка *Щаток* (ПКВУ, 208), *щат* 'щеголь, франт', *щатать* 'щеголять, франтить', сев.-вост. (Д: IV, 657); Лихашко *Щеголь* (ДКБ, 68); Ивашко Иванов *Гогол*, *гогол* 'франт, волокита' (Д: I, 364); Ивашко Иванов *Чистяков* (ПКВУ, 199) и др.

Вторая не менее обширная подгруппа прозвищных личных имен — имена, восходящие к существительным со значением 'наименование человека по его физическим внешним данным'. Выделяются личные имена, указывающие на рост именуемого, причем названий человека невысокого роста значительно больше: Ивашко *Коротыга* (ДКБ, 71); Микитко *Короткой* (ДКВ, 346); Тимошка *Маленькой* (ДКВ, 336); Сакулка и Мишка *Маленькие* (ДКВ, 348); Курбат Поляков (ПКВУ, 217); *Короткой* Григорьев (ДКБ, 54); *Коротайко* Тарасов (ДКБ, 54); но всего одно имя Якушко *Долгой* (ДКВ, 347).

В оппозиции худой — полный больше внимания обращается на первый член оппозиции: Нечайко *Сухой* (ДКВ, 352); Ивашко *Драница* (ДКВ, 336); *Тонкуша* Веселой (ДКВ, 382); *Суханко* Замошкин (ДКВ, 300); Карпунко *Коцафка* (ДКБ, 64); Дениско *Коцеев* (ДКВ, 339); Тренко *Тонкой* (ДКБ, 69); Ермолко *Ходоежен* (ДКБ, 66); Харя *Худошев* (ДКБ, 71); Пятунка Карасов *Художила* (ПКВУ, 163); Пятунка Иванов *Моща* (ПКВУ, 180); Первушка *Мора* (ДКВ, 348) и др. Второй член оппозиции находит выражение только в следующего рода наименованиях: Максим *Толъстая Потылица* (ДКБ, 71); Рудачко *Брюшинин* (ДКБ, 62); Васка Савельев *Толстой* (ПКВУ, 190); Первушка *Колоб* (ДКВ, 357); Ивашко *Пуза* (ДКВ, 319); Сава *Брюхин* (ДКБ, 58).

Ряд личных имен восходит к именам существительным со значением 'наименования человека по его физическим недостаткам': Демка Семенов сын *Хромцов* (ДКБ, 41); Харитонко Степанов *Колосолап* (ДКБ, 41); Гришка *Скуляба* (ДКВ, 338), *скулябленный* 'искривленный, искалеченный' (ВФ, 93); Федор *Сухорук* (ДКВ, 359); Олешка *Косой* (ДКВ, 357); Логинко *Глухой* (ДКБ, 60); Иван *Глушок* (ДКВ, 349); Некраско *Горбунов* (ДКБ, 60); Жданко *Горбунов* (ДКВ, 342); Илейко *Шадра* (ДКВ, 357) и др.

Отдельные личные имена указывают на внешние физические признаки, которые обращают на себя внимание окружающих: Ивашко *Белорук* (ДКВ, 352); Богдашко Тимофеев *Белоног* (ПКВУ, 220); Мишка Семенов сын *Белогуз* (ДКБ, 45); Онисимко *Корноухов* (ПКВУ, 102); Иевко Микитин *Толстоухой* (ПКВУ, 200); Богдашка *Шулга* (ДКВ, 360); Коземко *Лысой* (ДКБ, 60); Оксотка

Рябок (ДКБ, 66); *Ивашко Рябуха* (ПКВУ, 224); *Семитка Черной* (ДКВ, 357); *Ивашко Черной* (ДКБ, 59); *Перша Рыжков* (ДКВ, 351); *Ивашко Глазун* (ДКВ, 337); *Баженко Кудреватый* (ДКВ, 339) и др.

Отмечены личные имена, восходящие по происхождению к названиям частей тела человека, видимо, чем-то выделяющихся у именуемых: *Савка Офонасьев Брилкин* (ПКВУ, 192), *брила* 'губа'; *Якушко Нос* (ДКВ, 350); *Ивашко Шейка* и *Ивашко Шеин* (ПКВУ, 221, 175); *Васка Карпов сын Голова* (ДКБ, 41); *Зеленка Иванов сын Локтев* (ДКБ, 41); *Гришка Ус* (ДКБ, 43); *Жданко Ус* (ДКВ, 359); *Осташко Лаврентьев Борода* (ПКВУ, 193).

Значительное число именованных горожан, связанных с названиями животных (зоофорные имена). Известно, что в доисторический период существовала вера в чудесную силу животных, от которых якобы могли вести происхождение те или иные группы населения. Такими тотемами (покровителями рода) могли быть волк, медведь, конь, бык, кукушка, ворон, заяц и др.

В местных документах Кирилло-Белозерского монастыря конца XIV в. они чаще употреблялись на первом месте в составе формулы именованного: *Волк Бородавский* (1397; АСВР II, 5), *тиун Олень* (1397; АСВР II, 5); *Ворон* (1397; АСВР II, № 9) и др. В более поздних источниках XV–XVI вв. Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей такого рода имена занимают второе место, являются дополнительными личными именами (явления двуименности): *Яков Корова* Митин сын Шестаков (1435 АСВР II, № 319); *Микула Кот* Ортемьев сын Шестаков (1435 АСВР II, № 319); *Олександр Заецъ* Микитинъ (1448; АСВР II, № 115); *Олешко Орел* (1492; АСВР II, № 290); *Кирил Корова* (ВХК, 275); *Стефан Сорока* (ВХК, 305); *Савва Собака* (XVI; ВХК, 263).

В исследуемых писцовых и дозорных книгах Вологды, Белозера, Великого Устюга начала XVII в. зоофорные личные имена отмечены, как правило, либо на втором месте в составе модели именованного, либо они явились базой для образования патронимов (отчеств), либо фамильных прозваний. Рассмотрим состав зоофорных имен по семантике производящей основы.

Самое значительное число прозвищных имен было связано с названиями домашних животных, поскольку свойства, повед-

ки, внешний вид их были хорошо известны. Часты имена, образованные от таких названий животных, как *бык*, *конь*, *мерин*, *баран*, *козел*, *корова*, *поросенок*, *собака*: Игнашка *Быков* (ДКБ, 59); Ивашка Гаврилов *Бык* (ПКВУ, 90); Кондрашка *Конь* (ДКВ, 362); *Коняшко* Филипов (ДКВ, 361); Ондрей *Меринов* (ДКВ, 344); Ивашко Савельев *Баранов* (ПКВУ, 189); Гришка *Баранов* (ДКВ, 366); Герасимко Иевлев *Козел* (ДКВ, 221), Ивашко *Козел* (ДКВ, 362); Фочка Микитин *Коровин* (ПКВУ, 199); Дружиня Тимофеев *Собакин* (ДКБ, 4); Фетка Кобелев (ПКВУ, 164); Тренька *Поросячев* (ДКБ, 60); Первушка *Свиньин* (ДКВ, 359) и др.

Вполне вероятно, что в XVII в. под влиянием христианской религии уже исчезли пережитки тотемизма, поэтому зоофорные имена давались по другой причине. Как считает А.В. Гура, в традиционной культуре образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире и различных его проявлениях [9]. По мнению Е.Н. Ивановой, в семантической структуре зоонимов выделяются образные компоненты, которые отражают древние представления о животных. «Истоки образа лежат в мифе о животном и в бытовых прагматических представлениях народа» [10]. Так, например, в образной семантической структуре слова *бык* ведущими семами являются «массивность, устойчивость», *баран* — «закругленность, раздвоенность», *козел* — «крестообразность, устойчивость», *конь*, *кобыла* — «продолговатость, устойчивость», *кабан*, *свинья* — «округлость, массивность» [11].

Выявление именно таких или подобных внешних физических признаков в именуемых и приводило к активизации зоофорных прозвищных личных имен.

Личные имена, восходящие к названиям диких животных, многочисленны: Лучка *Медведь* (ПКВУ, 183); Дружинка Микифоров сын *Лося* (ДКБ, 42); Степанко Кузьмин *Лисица* (ПКВУ, 191); Жданко *Бобров* (ДКВ, 338); Дружинка Тимофеев *Хомяк* (ДКБ, 45).

Можно отметить в качестве личных имен также названия домашней птицы: Фиака *Курица* (ДКБ, 45); Петрушка *Курица* (196); Ортюшка *Курочкин* (ДКВ, 316); Ивашко Некрасов *Петухов* (ПКВУ, 202). Личные имена, образованные от названий птиц, передавали физические свойства и особенности человека. В народном

сознании *ворона* — это «ротозей, зевака», *стриж* — «быстрый, подвижный человек», *воробей* — «ловкий, проворный», *коришун* — «черный, зловещий», *голубь* — «доброта, кроткость» и т.д. Ср.: Мишка Иванов *Стрижев* (ПКВУ, 192); Ивашко *Коришун* (ПКВУ, 180); Якунко *Воробьев* (ДКВ, 346); Федорка *Воробьев* (ДКВ, 346); Богдашко *Цывилин* (ДКВ, 351), *циваль* — в волог. 'воробей' (Д; II, 574); Перша *Воронин* (ДКВ, 360); *Голубь* (ДКВ, 57); Митка *Синица* (ПКВУ, 290); Ивашко *Цапля* (ПКВУ, 175); Шалимко Микитин *Кулик* (ПКВУ, 145); Осипко *Галкин* (ДКБ, 57) и др.

Незначительны группы личных имен, образованных от названий насекомых: Тренка *Мизгирь* (ДКВ, 59); Митка *Паутов* (ДКВ, 352); Петрушка, Кондрашка, Якунка *Жужгины* (ДКВ, 355); Мишка *Жужгин* (ПКВУ, 180), *жужга* — перм., вят. 'насекомое, поедающее в засуху хлеб под корень' (Д; I, 546); *Комарько* Рогачевец (ДКБ, 46); Олешка *Комаров* (ДКВ, 359); Никита *Комар* (ДКБ, 42), Кирилко *Мухин* (ДКВ, 346); Васка Ларионов *Мураш* (ПКВУ, 181).

Среди нескольких сотен личных имен в наших материалах отмечены только три имени, восходящие к названиям растений: Поспелко Васильев сын *Чаныжников* (ДКБ, 41); Поздачко *Рябинин* (ДКВ, 197); Елизарко Карпов *Соснин* (ПКВУ, 200).

Состав второй лексико-семантической группы некалендарных прозвищных личных имен, характеризующих человека по отношению его к разным видам жизнедеятельности, к различным жизненным обстоятельствам, как мы уже отметили, незначителен по объему. Эти имена занимают в формуле именованья обычно второе место. Выделяется группа личных имен, образованных от названий профессий, связанных с кожевенным делом: Нечайко *Хомутанников* (ДКБ, 45); Якуня *Кошкодав* (ДКБ, 58); Посник *Овчинников* (ДКБ, 62); Петрушка *Баранников* (ДКБ, 64); Лучка *Шлейников* (ДКВ, 357); с бондарным: Сидор *Кадников* (ДКБ, 60); Семко *Тшанник* (ДКБ, 63); кузнечным: Малах *Кузнецов* (ДКБ, 60); Худяк *Железников* (ДКБ, 51); Богдашко Нестеров сын *Бронников* (ДКБ, 42) и др. промыслами и ремеслами: Ортемка *Пирожников* (ДКБ, 50); Третьячко *Пирожник* (ДКБ, 63); Осипко *Дехтябрь* (ДКБ, 64); Кирилко *Ветошников* (ДКВ, 345); Ивашко *Расторгуй* (ДКВ, 347) и др.

В Великом Устюге и Вологде отмечено прозвищное личное имя *Веселой*: Олешко Кузьмин *Веселой* (ПКВУ, 183), Тонкуша *Веселой* (ДКВ, 352); Ивашко *Веселой* (ПКВУ, 189), *веселой* 'скоморох, певец, музыкант' [Сл. РЯ XI—XVII, II, 112].

Ряд прозвищных личных имен восходит к названиям продуктов труда, изготавливаемых в тот период на севере: Петрушка Иванов *Толоконцев* (ПКВУ, 203); Степка *Колбаса* (ДКБ, 64); Орефа *Леденицын* (ДКБ, 60); Степанко, Богдашко и Филипко *Леденцовы* (ДКВ, 300); Первушка *Кисель* (ДКВ, 3059), Гришка *Ковригин* (ПКВУ, 85); Санко *Чеботов* (ДКБ, 45); Томилко Лазарев сын *Башмаков* (ДКБ, 45); Третьяк *Сарфанов* (ДКВ, 336); Ушак *Мотовилов* (ДКБ, 62); Микифор *Телегин* (ДКБ, 63); Илейко Рубелев (ДКВ, 344); Семейка *Зобенкин* (ДКВ, 349); Харка *Косарев* (ДКБ, 55); Гришка *Батошков* (ДКВ, 339) и др.

И, наконец, отмечено несколько личных имен, образованных от этнонимов: Чудинко Степанов (ДКБ, 36); Чудинко Андреев (ДКБ, 43); Семейка *Армянинов* (ДКВ, 346); Дениско *Корела* (ДКВ, 361); Сенка *Кореленин* (ДКБ, 42).

Итак, оценивая лингвистическую информативность прозвищных личных имен, следует сказать, что они проливают некоторый свет на историю колонизации данного региона. Анализируемые личные имена отражают по преимуществу следы западной новгородской колонизации (*Гозунин* — ПКВУ, *Шалыгин* — ПКВУ, *Туранко* — ПКВУ, *Цыкавин* — ПКВУ, *Зех* — ДКБ, *Копос* — ДКБ, *Матурко* — ДКБ, *Огвазда* — ДКБ, *Булыга* — ДКВ, *Урюта* — ДКВ и др.). Ряд прозвищных личных имен формируется из апеллятивов, возникших уже в период более или менее длительного пребывания славян на данной территории (*Сутыря* — ДКБ, *Трека* — ДКВ, *Галибин* — ДКВ, *Базун* — ДКВ, и др.). Отдельные факты свидетельствуют о формировании Восточной вологодской группы говоров (*Гиганов* — ПКВУ, *Чмутов* — ДКБ, *Шишарка* — ПКВУ) и др.

Вместе с тем рассмотренные прозвищные личные имена дают возможность реконструировать значительную группу диалектной лексики — названия лиц, которая характерна была для лексического состава говоров Двинско-Сухонского междуречья XV—

XVII вв., но не попала в памятники письменности и не нашла в связи с этим отражение в исторических словарях русского языка.

Исследуемые антропонимы отражают мир понятий и представлений населения Русского Севера XV—XVII вв. Малопривлекательные для жизни человека природные условия северной территории, тяжелые условия труда, связанные с подсечно-огневым земледелием, отголоски языческих верований с их грозными, беспощадными божествами — все это оказало решающее воздействие на складывание национального характера русского населения на севере России. Борьба за существование в течение столетий приводила к тому, что учитывались и подвергались осмеянию такие черты характера, поведения, внешнего облика человека, которые мешали выживанию, т.е. пустое времяпрепровождение, нежелание трудиться, бродяжничество, физическая слабость и т.д. Вот почему почти все исследуемые прозвищные личные имена имели пейоративную оценку.

Для отражения более полной картины понятий и представлений русского человека XV—XVII вв. необходимо исследование семантики прозвищных имен ряда регионов России.

Примечания

1. Nikonov V.A. Die Periodisierung der russischen Anthroponymie von den Anfängen bis 1917 (Vorläufiges Schema) // Sowjetische Namenforschung. — Berlin, 1975. — S. 103—115.

2. Подольская Н.В. Некоторые вопросы ономастики в связи с анализом крестьянских грамот // Историческая ономастика. — М., 1977.

3. Чичагов В.К. К истории русских имен, отчеств и фамилий. — М., 1959.

4. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — СПб., 1903.

5. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды. — М., 1968.

6. Мирославская А.Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. — М., 1980.

7. 1617/18 — Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Деметьева // Белоозерье: Историко-литературный альманах. — Вып. 1. — Вологда, 1994. — С. 37—76; Дозорная книга посада Вологды князя П.Г. Волконского и подьячего Л. Софонова. 1616—1617 гг. // Вологда: Историко-краеведческий альманах. — Вып. 1. — Вологда, 1994. —

С. 333—371; Писцовая книга Великого Устюга письма и меры М. Вышеславецца и подьячего А. Федорова 131, 132 и 134 гг. (ПКВУ) // Бысть на Устюзе: Историко-краеведческий сборник. — Вологда, 1993. — С. 160—233; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. — М., 1958 (АСВР); Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда, 1995 (ВФ); Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. — М.; Л., 1979 (ВХК).

8. Трубачев О.Н. В поисках единства. — М., 1992.

9. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. — М., 1997. — С. 22.

10. Иванова Е.Н. Образы животных в предметной диалектной лексике русского языка // Ономастика и диалектная лексика. III. — Екатеринбург, 1999. — С. 280.

11. Там же. — С. 183.

Именования женщин в новгородских берестяных грамотах XI—XIV вв.

В работах отечественных ономастов [А. М. Селищева, В. К. Чичагова, С. И. Зинина, А. Н. Мирославской и др.] личные имена, отчества, прозвища и фамилии изучаются по памятникам XV—XVIII вв. Речь главным образом идет об именовании мужчин, поскольку женские антропонимы в источниках отмечаются намного реже. Это положение справедливо и по отношению к новгородским берестяным грамотам. Исследователи древненовгородского антропонимикона посвятили свои работы в основном мужским календарным и некалендарным личным именам [см., например: Роспона, 1965, 1979; Подольская, 1977, 1979; Зализняк, 1995]. Считаю, однако, что оставить без внимания анализ пусть и ограниченного количества женских личных имен мы не вправе: речь идет о таком отдаленном историческом периоде (XI—XIV вв.), что каждый дошедший до нас лингвистический факт имеет исключительную ценность для исторической ономастики и шире — исторической лексикологии. Хотя такой небольшой материал не дает возможности сделать какие-то обобщающие выводы о составе и структуре женского именника древнего Новгорода.

Материалы для статьи в основном извлечены из книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» (1995), где приводятся тексты всех грамот, найденных до конца 1994 г. В исследовании А. А. Зализняка опубликованы тексты грамот, обнаруженных в ходе раскопок не только в Новгороде Великом, но и в ряде других городов — прежде всего Старой Руссе (далее — Ст. Р.), Звенигороде (Звен.), Смоленске (См.), Пскове. На наш взгляд, особенно интересны материалы по антропонимии Старой Руссы.

Судя по источникам, женщины в древнем Новгороде именовались двумя способами: личным именем (календарным или некалендарным) и по имени мужа. Состав именования был представлен одним антропонимом (синтетические номинации). Обратимся к первому способу — именованию с помощью личных имен. В составе некалендарных личных имен (всего их 15) два имени двусловные (компози́ты), остальные — однословные. К композитам относится полное имя *Передслава* (№ 328)* и неполное — *Сторонька* (Ст. Р., № 5). По мнению А. А. Зализняка, *Сторонька* восходит к *Сторонислава*, в др.-польск. *Stronislawa* и *Stroniślaw* [см.: Зализняк, 1995, 278]. Однословные личные имена характеризуют внешний облик именуемой: *Милка* (Ст. Р., № 216), *Страхота* (Ст. Р., № 20), *Безубая* (Ст. Р., № 21), *Миляна* (№ 541); ее характер: *Нежка* (№ 644); обстоятельства рождения ребенка: *Втори* (Ст. Р., № 20), *Недълька* (Ст. Р., № 21); национальность: *Чудка* (Ст. Р., № 22). Как видно, большинство женских некалендарных личных имен отмечено в берестяных грамотах Старой Руссы, в новгородских источниках они встречаются крайне редко.

Календарных женских имен в исследуемых грамотах около 40. Частотность их различна. Большая степень частотности отмечена у имен *Анастасия* (15), *Мария* (12), *Христина* (7), *Ефимья* (7), *София* (6), *Яна* (6); менее частотны *Евдокия* (5), *Ульяна* (5), *Федосья* (5), *Феврония* (4), *Марфа* (4), *Маремьяна* (3), *Домна* (3), *Анна* (2), *Фекла* (2), *Марина* (2), *Мирофа* (2), *Катерина* (2); единично употребление имен *Ефросинья*, *Улита*, *Антонина*, *Ириния*, *Федора*, *Аксинья*, *Ахулина*, *Евгения*, *Граврия*, *Олисава*, *Фетинья*, *Харитония*, *Анисья* и др. Если учесть самые частотные женские

* При каждом антропониме указывается номер берестяной грамоты.

имена в святцах: *Мария* (16), *Анна* (14), *Ульяна* (12), *Евдокия* (6), *Марфа* (7), *Настасья* (5) [см.: Чайкина, 2002, 29], — можно заключить, что имена в древнем Новгороде в основном давались с учетом православного календаря.

Почти все женские имена употребляются в полной форме, отсутствуют полуимена с формантами *-ица* или *-ка*, как это отмечено, например, в источниках более позднего времени. Ср. именованья женщин низшего сословия в Белозерье в документе 1455 г.: *Татыанка*, *Ховронка*, *Понарка*, *Улыанка*, *Федосьица*, *Офим(в)ица*, *Анница* и др. [АСВР, № 168]. Отметим только несколько исключений в берестяных грамотах: *Настка* (№ 102), *Янка* (№ 731), *Танья* (№ 129), *Фима* (Ст. Р., № 11). Большинство календарных личных имен оканчиваются на *-ица* (-ия) или *-ья*: *Анастасия* (№ 508), *Еугъница* (№ 62), *Ириния* (№ 545), *София* (№ 682), *Харитания* (№ 682); *Ефимья* (№ 368), *Марья* (№ 595), *Обдотыа* (№ 7, 10), *Оксънья* (№ 411), *Олфимья* (№ 657), *Понарья* (№ 161), *Федосья* (8) и др. Ряд имен выступают с конечной частью основы на *-на*: *Домна* (№ 134), *Катерина* (№ 551), *Маремьяна* (№ 578), *Окулина* (№ 560), *Онтонина* (№ 541), *Улиана* (№ 508), *Христина* (№ 522).

Полные формы имен и отсутствие формантов *-ица* и *-ка* во многом объясняются тем, что в текстах берестяных грамот в большинстве случаев приводятся имена монахинь, а ряд антропонимов встречается в составе поминальных списков (церковное поминание). По всей вероятности, большинство женщин, календарные имена которых зафиксированы в поминальных списках, имели вторые имена, некалендарные, употребляемые в повседневном бытовом общении, поскольку единичные примеры некалендарных женских имен отмечены нами и в древнем Новгороде.

В связи с тем, что календарные личные имена в XI—XIV вв. только еще входили в широкое употребление, заметна их значительная вариативность.

Начальная часть женских календарных личных имен подвергалась в тот период фонетической адаптации: 1) звуки *e* и *a* заменялись звуком *o*: *Обдокия* (№ 506, 508), *Обдотыа* (№ 7, 10, 506), *Оксънья* (№ 411), *Окулина* (№ 560), *Офросънья* (№ 717), *Онтони-*

на (№ 541), *Олисава* (№ 503), *Огафья* (№ 10); 2) происходило выпадение начального гласного в именах *Настасья* (№ 557, 595), *Катерина* (№ 555, 551); в личном имени *Понарья* (№ 161) произошли более глубокие изменения — выпадение начального звука *a* и целого слога *-ли-* в середине слова: *Понарья* < *Аптолинарья*; звук *o* заменяется звуком *a* в середине слова: *Харитания* (№ 682); звук *и* заменяется звуком *e* или *у*: *Хрестина* (№ 522, 523, 554 и др.), *Онусия* (№ 560); *и* заменяется *ѣ*: *Оксънья* (№ 411), *Офросънья* (№ 717) и др.

Второй синтетический способ именования (по имени мужа) представлен в берестяных грамотах более широко. Имя мужа могло выступать в полной форме притяжательного прилагательного с суффиксом *-j-* (*-aja*): *Давыжая* (№ 222) < *Давыдъ*, *Тъшая*. Ст. Р., № 21) < *Тъхъ*, *Иванья* < *Иванъ*, *Полюжая* < *Полюдъ*. Имена по мужу также могли быть образованы от притяжательных прилагательных на *-овъ/-евъ*, *-инъ*: *Хыловая Р.*, № 22) < *Хылъ*, *Ивановая* (Ст. Р., № 11) < *Иванъ*, *Горьгевая* (Ст. Р., № 21) < *Гюрхий*, *Путьшина* (Ст. Р., № 22) < *Путьша*, *Тайшина* (Ст. Р., № 22) < *Тайша* и др. Уменьшительно-ласкательные имена на *-ько* и *-ько* также получали в форме притяжательного прилагательного суффикс *-ов-* (*-ев-*): *Надыковая* (Ст. Р., № 22) < *Надыко* < *Нады* (№ 348), *Боршковая* (Ст. Р., № 21) < *Бориско* < *Борисъ* < *Бориславъ* и др.

По своей грамматической природе это были притяжательные прилагательные местоименного склонения, но употреблялись они в функции имени существительного. О субстантивации такого рода прилагательных писали многие историки языка. Причину перехода имен прилагательных в имена существительные В. И. Борковский видит в том, что при таких прилагательных нет необходимости в определяемом слове. На определенное лицо указывает сама местоименная форма прилагательного [см.: Борковский, 1963, 252; Мароевич, 1981, 707].

Именования по мужу могли быть образованы как от канонических мужских личных имен, так и от неканонических, причем последних больше. Рассмотрим женские именования от неканонических мужских имен. Отмечены женские именования от неполных сложных мужских имен (композитивов): *Яръшковая*

(№ 228) < *Ярошко* < *Ярославъ*; *Путковая* (№ 630) < *Путко* < *Путиславъ*; *Путьшина* (Ст. Р., № 22) < *Путьша* < *Путиславъ*; *Радковая* (№ 227) < *Радко* (№ 168, 710) < *Радогостъ* (№ 571), *Боршиковая* (Ст. Р., № 21) < *Бориско* < *Бориславъ* и др.

Значительное количество женских именований восходит к мужским некалендарным одноосновным именам: а) к первичным непроезводным: *Тъшая*, *Тъховая* (Ст. Р., № 21) < *Тъхъ*, *Хыловая* (Ст. Р., № 22) < *Хылъ*, *Сытовая* (№ 264) < *Сытъ*; б) к вторичным производным: *Безоувая* (Ст. Р., № 21) < *Безоуй*, *Повъжая* (№ 672) < *Повъдъ*, *Надъковая* (Ст. Р., № 22) < *Надъико* < *Надъи* (№ 348), *Несдичевая* (Ст. Р., № 22) < *Несдичъ* (238), *Нъжаткина* (Ст. Р., № 13) < *Нъжатко* < *Нъжата* (№ 586, 509, 635, 644, 742), *Говъновая* < *Говънъ* (Звен. № 2) и др.

Отмечено именование женщины, образованное от прибалтийско-финского по происхождению имени мужа: *Иголандовия* (№ 278) < *Иголанд*.

Если говорить об именовании женщин, восходящих к мужским календарным личным именам, то в большинстве случаев они образованы от полных форм имени: *Давыжая* (№ 227) < *Давыдъ*, *Павлова* (№ 212) < *Павель*, *Васильева* (№ 67) < *Василий*, *Гюргева* (Ст. Р., № 21) < *Гюргий*, *Иванова* (Ст. Р., № 11), *Иванья* (Ст. Р., № 11) < *Иванъ* и др.

Только однажды отмечено именование жены, в основе которого лежит неполная форма календарного личного имени мужа: *Оршиковая* (Ст. Р., № 21) < *Орша* < *Орътъмиш*. Неясно, от какого мужского имени образовано именование женщины *Филофиня* (№ 261) — может быть, *Филофейта*.

Как мы уже указывали, в исследуемых документах женщина обычно именовалась посредством одного антропонима — либо личного имени, либо именованию по мужу (синтетические номинации). Только в нескольких случаях имеет место аналитическая двучленная модель именовании: *Тъшая Недълька* (Ст. Р., № 21); *Фомина жена* (№ 55), *Фомина сноха* (№ 263), *Семнунова жена* (№ 8), *Хръстянова жена* (№ 70).

Имена по мужу были активны в языке древнерусской народности. В течение XV в. они постепенно вытесняются, а столетием

позже окончательно выходят из употребления. Дольше они сохранялись в украинском языке, еще в XV в. представляя собой живую продуктивную категорию, а в древнебелорусском употреблялись и в XVI в. [см.: Мароевич, 1981, 116].

Уже в XV—XVI вв. в языке великорусской народности, в связи с утратой синтетического способа именования женщин, в памятниках письменности Русского Севера широкое распространение получает аналитическая модель именования. В сотной Устюжны Железнопольской 1567 г., например, женское именование состоит из личного имени, притяжательного прилагательного с суффиксом *-овъ/-евъ*, *-инъ*, образованного от имени мужа, и существительного *жена*: *Марфица Гриди́на жена*, *Окули́нка Негодя́ева жена* [Сот. Уст. Жел., 138-153]. В ряде случаев притяжательное прилагательное в составе таких именовании выступает с суффиксом *-овск-/евск-*: *Катте́линка Яковле́вская жена*, *Соломе́йка Ива́новская жена* [см.: Чайкина, 1994, 67].

В XVII—XVIII вв. официальная аналитическая модель именования женщины еще более усложняется: в состав ее дополнительно входит притяжательное прилагательное, образованное от имени отца, притяжательное прилагательное, образованное от имени мужа, полуотчество мужа, фамилия или фамильное прозвание мужа: *Евдо́кия Патри́киева дочь Ива́новская жена Савель́ева сына Хому́тникова*, *Праско́вья Панкрати́ова дочь Проко́фьевская жена Ники́форова сына Локте́ва* [ГК Вол.]. В данных конструкциях наблюдается полное именование мужа — имя, полуотчество и фамилия: *Иван Савель́ев сын Хому́тников*, *Проко́фей Ники́форов сын Локте́в* [см.: Там же, 68-69].

Только в начале XIX в. под воздействием трехчленной модели именования мужчин формула именования женщин в письменной речи также становится трехчленной.

Примечания

1. СВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. — Т. 2. — М., 1958.

2. Борковский В.И. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте // Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. — М., 1963.

3. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. — М., 1995.
4. Зинин С.И. Русские антропонимы XVII—XVIII вв.: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Ташкент, 1969.
5. Мароевич Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм при-
тяжательных прилагательных // Вопросы языкознания. — 1981. — № 5. —
С. 106—118.
6. Мирославская А.Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. — М., 1980.
7. ПК Вол. — Книга переписи и меры г. Вологды 1711 г. (ГАВО. Ф. 2Р. № 7847).
8. Подольская Н. В. Некоторые вопросы ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. — М., 1977. — С. 49—71.
9. Подольская Н. В. Антропонимикон берестяных грамот // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. — М., 1979. — С. 201—242.
10. Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имен) // Вопросы языкознания. — 1965. — № 3. — С. 3—21.
11. Роспонд С. *Miscellanea onomastica Rossicka* // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. — М., 1979. — С. 5—47.
12. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избр. труды. — М., 1968. — С. 97—128.
13. Сот. Уст. Жел. — Сотная на посад Устюжны Железнопольской 1567 // Социально-правовое положение северного крестьянства. — Вологда, 1981. — С. 136—177.
14. Чайкина Ю. И. Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. — М., 1994. — С. 66—74.
15. Чайкина Ю. И. Женские календарные имена на Русском Севере во второй половине XVII—XVIII вв. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. — Вып. 1. — Вологда, 2002. — С. 28—35.
16. Чичагов В. К. К истории русских имен, отчеств и фамилий. — М., 1959.

К интерпретации микрогидронимии Сухоны

Названия естественных препятствий (порогов, перекатов, за-
струт, камней и пр.) — один из наименее изученных классов слов
в составе микропонимии [1].

В работе сделана попытка показать принадлежность микро-
понимов Сухоны к определенному семантическому типу, опреде-
лить те лексико-семантические группы слов, к которым данные
названия восходят по происхождению.

Р. Сухона относится к Северо-Двинской речной системе, являющейся в свою очередь частью Северного бассейна. Протяженность ее — 560 км. С древних времен Сухона — часть важного торгового пути из Москвы в Сибирь. Особенно возросло значение ее в XVI в., в царствование Ивана Грозного, в связи с установлением торговых отношений Московского государства с Англией и Голландией. Сухона имела множество естественных препятствий и особенно в нижнем течении была рекой, неудобной для судоходства [2].

Материалом для работы послужили лоцманские карты р. Сухоны первой половины XX в. (см. список сокращений в конце статьи). В них фиксируются сотни наименований разных видов гидрообъектов.

Судя по лоцманским картам, в составе местной терминологии речного судоходства выделялось большое количество географических терминов, являющихся названиями разных видов гидрообъектов — *перебор*, *перекат*, *борозда*, *заструга*, *коса*, *гряда*, *груда*, *пески*, *мель* и др.

Наличие столь значительной группы номенклатурных названий обусловлено тем, что соответствующие объекты различались по форме и размерам, по характеру пород, из которых они были образованы, по расположению относительно фарватера и берегов.

Все эти термины близки по семантическому содержанию, а *перебор* и *перекат* — слова с одинаковым значением. У В. Даля *перекат* — «порог в реке, поперечная гряда, перебор» (III, 56). *Перебор* — «песчаная мель, усеянная грядами камней» (СНМ) [3]. Слово *борозда* в сухонских диалектах «разновидность переката, продолговатая поперечная гряда, соединяющая берега» (КСВГ). С близкими к слову *борозда* значениям употреблялись в профессиональной речи термины *заструга*, *гряда* и *груда*: *заструга* — «каменистая или песчаная коса, идущая от берега в стрежень»; *гряда* — «перекат, образованный каменистыми, глинистыми или песчаными косами», *груда* — «порог, образованный каменными глыбами, протянувшимися длинной грядой». *Пески* — «песчаная отмель; коса или мыс в реке» (Даль III, 103).

Основной наиболее активный способ образования названий всех видов естественных препятствий р. Сухоны — метонимиче-

ский перенос собственных имен со смежных объектов (водных объектов, поселений, островов, мысов, кос и т. д.). В одних случаях перенос названий не сопровождается изменением словообразовательной формы, т. е. речь идет только о семантической деривации, в других — осложняется аффиксацией.

При переносе наименований без применения каких-либо словообразовательных средств особенно активно образуются названия гидрообъектов по таким соседним ориентирам, как реки и селения.

По рекам и ручьям получили названия следующие переборы (перекаты): р. *Кобыла* > прб. *Кобыла* (ЛК, 17); руч. *Еловец* > прк. *Верхний Еловец*, прк. *Нижний Еловец* (ЛРС, 31); руч. *Кашливец* > прк. *Кашливец* (ЛРС, 44); руч. *Звягливец* > прк. *Звягливец* (ЛРС, 54); руч. *Нижний Кривец* > прб. *Нижний Кривец* (ЛК, 26); руч. *Криничный* > прб. *Крининый* (ЛК, 18); руч. *Лодейный* > прб. *Лодейный* (ЛК, 18); руч. *Юшман* > прб. *Юшман* (ЛК, 23) и др. Значительное количество переборов (перекатов) получило названия по расположенным поблизости селениям: д. *Торопилово* > прб. (прк.) *Торопилово* (ЛК, 60; ЛРС, 18); д. *Тетеревино* > прк. *Тетеревино* (ЛРС, 16); д. *Скорятино* > прб. (прк.) *Скорятино* (ЛК, 7; ЛРС, 74), с. *Усть-Городищенское* > прб. *Усть-Городищенский* (ЛК, 20); с. *Усть-Мяколицкое* > прб. *Усть-Мяколицкий* (ЛК, 5); д. *Сторожевик* > прб. *Сторожевик* (ЛК, 19).

В единичных случаях образуются от гидронимов и ойконимов без каких-либо изменений собственного имени названия других видов естественных препятствий — заструг, кос, островов, камней. К гидронимам восходят, например, следующие названия: р. *Малиновка* > застрада *Малиновка* (ЛК, 27; ЛРС, 48); руч. *Насадец* > о. *Насадец* (ЛРС, 20); руч. *Еловец* > о. *Еловец* (ЛРС, 30); руч. *Кашливец* > коса *Кашливец* (ЛК, 32); р. *Городишна* > кам. *Городишна* (ЛК, 20).

От наименований селений образованы микрогидронимы: застрада *Ряжка*, кам. *Ряжка* (<д. *Ряжка*) — ЛК, 20; ЛРС, 56; застрада *Повар* (<д. *Повар*) — ЛК, 19; ЛРС, 56; и др.

Не менее активно образуются названия естественных препятствий Сухоны путем метонимического переноса, сопровождаемо-

го аффиксации. Основным словообразовательным средством является суффикс *-ск-*; *-ев/ск-*; *-ов/ск-*. От гидронимов с помощью данного суффикса наиболее последовательно образуются названия переборов (перекатов), гряд, гряда, борозда:

р. *Войманга*>прб. *Воймангский* (ЛК, 32); р. *Еденьга*>прб. (прк.) *Еденгский* (ЛК, 36; ЛРС, 39); р. *Камчуга*>прб. *Камчугский* (ЛК, 32); р. *Коченьга*>прб. (прк.) *Коченьгский* (ЛК, 28; ЛРС, 47); р. *Леденьга*>прб. *Леденьгский* (ЛК, 35); р. *Кореньга*>прк. *Кореньгский* (ЛРС, 67); р. *Равженька*>прб. (прк.) *Равженьгский* (ЛК, 33; ЛРС, 42); р. *Марша*>прб. *Маршевский* (ЛК, 61);

р. *Бобровая*>*Бобровские гряды* (ЛК, 16; ЛРС, 62); р. *Нореньга*>*Норенгские гряды* (ЛК, 33); р. *Сельменга*>*Сельменьгские гряды* (ЛК, 30);

руч. *Глубокий*>*Глубоковские гряды* (ЛРС, 68); руч. *Пандров*>*Пандровские гряды* (ЛК, 9);

р. *Белая*>*Беловская борозда* (ЛК, 10); р. *Гремяча*>*Гремячевские борозды* (ЛК, 22); р. *Солотьянка*>*Солотьянская борозда* (ЛК, 11) и др.

Весьма продуктивно образование микрогидронимов с помощью данного суффикса и от названий поселений:

д. *Старое Заболотье*>прб. (прк.) *Заболотский* (ЛК, 14; ЛРС, 65); д. *Каликино*>прб. *Каликинский* (ЛК, 6); д. *Федосьево*>прк. *Федосьевский* (ЛРС, 76);

д. *Афанасьевец*>*Афанасьевская заструга* (ЛК, 7); д. *Березовой*>*Березовская заструга* (ЛК, 7); д. *Соларево*>*Соларевская заструга* (ЛК, 4); д. *Ченьково*>*Ченьковская заструга* (ЛК, 6); д. *Борщевик*>*Борщевская заструга* (ЛК, 14);

д. *Осиново*>*Осиновские гряды* (ЛК, 19); д. *Еситцово*>*Еситцовские гряды* (ЛК, 9); д. *Соларево*>*Соларевские гряды* (ЛК, 4);

д. *Монастыриха*>*Монастырские борозды* (ЛК, 25) и др.

Характерно, что гидронимы других рек Северного бассейна образованы такими же способами. Из 143 наименований перекатов р. Большой Северной Двины 120 восходит по происхождению к гидронимам и ойконимам, а из 23 названий гидрообъектов р. Онеги 19 образованы от наименований поселений. Ср., например, пристань *Телегово*>прк. *Верхний Телеговский*, при-

стань *Комарица*> прк. *Комарицкий*, р. *Ездринка*> прк. *Ездринка*; с. *Городок*> прк. *Городецкий*, с. *Пияла*> прк. *Пияльский* и пр (МОВП, 90 112, 150).

Отличительной особенностью от гидронимических и ойконимических названий перекаатов Сухоны является вхождение их в состав топонимических комплексов. В истории восточнославянской топонимии многими топонимистами отмечается широкое взаимодействие гидронимов с наименованиями поселений [4]. С давнего времени контактный перенос имен характерен и для Посухонья. Ср., например: р. *Нижняя Тозьма* — д. *Нижняя Тозьма* (ЛК, 11), р. *Белая* — д. *Белая* (ЛКСВ, 78), д. *Власьево* — р. *Власьевка* (СНМ), с. *Воздвиженское* — р. *Воздвиженка* (ЛК, 2) и др. Формирование значительного количества микрогидронимов приводит к расширению топонимических комплексов. Последние могут объединять в своем составе помимо гидронима и ойконима, а иногда того и другого, названия нескольких гидрообъектов. Ограничимся следующими примерами: д. *Шитробово* — р. *Шитробовка* — *Шитробовская мель* (МОРР), д. *Соколово* — р. *Соколовка* — прб. *Соколов* — *Соколовские груды* (ЛК, 17), р. *Большая Сельменьга* — д. *Большая Сельмень-га* — прб. *Нижний Сельменгский* — прб. *Верхний Сельменгский* — *Сельменьгские груды* — *Сельменьгское плесо* (ЛК, 30), р. *Шуя* — с. *Шуйское* — *Шуйские пески* — о. *Шуйские пески* (ЛК, 56), нав. *Звегливец* (Пер. кн. Тот. у. 1623 — ЦГАДА, ф. 1209, к-480, л. 352) — ключ *Звегливец* — д. *Звегливец* (СНМ) — коса *Звегливец* — застрада *Звегливец* — прб. *Звегливец* (ЛК, 21) и др.

Такие топонимические комплексы характерны для всех водных объектов Северного бассейна. Ср., например, маршрутное описание водного пути по р. Юг: р. *Малый Пичуг* — р. *Большой Пичуг* — р. *Пичуг* — прк. *Пичугский*; р. *Енанга* — с. *Енанск* — прк. *Нижний Енанский* — прк. *Верхний Енанский* (МОВП 38 — 44); по р. Вага: с. *Корбола* — прк. *Первый Корбольский* — прк. *Второй Корбольский* — прк. *Третий Корбольский* — прк. *Четвертый Корбольский* (там же, 110) [5].

Ко второй группе названий естественных препятствий Сухоны относятся микрогидронимы, восходящие по происхождению

к апеллятивам — географическим терминам. Эти микротопонимы также не отражают особенностей самих гидрообъектов, а указывают на внешние, «береговые» ориентиры, которыми руководствовались судоводители, определяя местонахождение перекатов.

Одни микрогидронимы отражают рельефные особенности берегов. От апеллятивов, обозначающих крутизну берега, образованы названия перекатов: *Верей* (ЛК, 35), *Веряя* (ЛРС, 40) — *веряя* «крутой берег, гряда, не заливаемые вешними водами» (Мурзаевы, 52); «возвышенное сухое место на пойме» (ряз., костр. — СРНГ IV, 129); «возвышенность на болоте» (костр. — КСТЭ); *Косик* (ЛК, 15) — *косик* «крутой обрывистый берег» (Усть-Цилем), «спуск с крутой горы» (Арх. Пин. — СРНГ XV, 50); «склон горы, спуск с крутизны», «крутояр» (Арх. Пин. — КСТЭ); *Притесное* (ЛК, 24; ЛРС, 52) — *притес* «высокий песчаный берег» (Арх. В-Т — КСТЭ); прм. «подводная скала в реке, бык, лбище или береговая скала с приплеском, береговой утес» (Даль III, 452).

Очертания русла реки отражает микрогидроним *Кривляки* (ЛК, 29; ЛРС, 46), восходящий к апеллятиву *кривляк*, «изгиб реки»; *Тойма кривляк такой дала* (Арх. В-Т); «поворот реки»: *Кривляк мешает плоты гнать* (Влг. Никол.); *кривляки* «изгиб реки»: *Она большие кривляками, криво идет рецька* (Арх. Леш. — КСТЭ); *кривляк* «поворот дороги», «изгиб, излучина реки» (Свердл. Урал — СРНГ XV, 243).

В основе названий некоторых перекатов лежит указание на слияние двух водных объектов. Микрогидроним *Кресты* (ЛК, 4; ЛРС, 76) восходит к апеллятиву *кресты*, употребляющемуся в значениях «перекресток дороги» (Костр. Галич, Шарья, Пыщуг; Влг. Кирил, Вашк, Белоз, Вожег; Арх. Плес, Конош, Вельск, Уст; Киров. Халт — КСТЭ) и «слияние двух рек»: *У нас сенокос на крестах, там, где реки расходятся* (Влг. Бабаев. — КСТЭ). Таково же происхождение микрогидронимов *Вилы* (ЛК, 17; ЛРС, 61) и *Рассоха* (ЛК, 68; ЛРС, 15). Апеллятив *вилы* фиксируется в кировских говорах в значениях «перекресток дороги» и «место слияния двух рек»: *Вилы — это сходятся две реки* (Киров. Котел. — КСТЭ). У В. Даля *рассоха реки*, сев.-вост. «разречье, вернее два притока, две реки, которые сливаются под острым углом», зовут,

рассохой и всякий «порядочный приток, рукав реки» (IV, 48). В архангельских и вологодских говорах данное слово выступает в значениях «ручей, впадающий в реку» (Арх. Леш), «место слияния двух рек в одно русло» (Арх. Пин, Уст), «раздвоенное русло реки» (Влг. Вытег, К-Гор — КСТЭ) [6].

Названия перекатов *Метик*, *Борки*, *Чистка*, *Травник*, *Груздовые* связаны по своему происхождению с обозначениями угодий хозяйственно-промыслового значения, расположенных по берегам Сухоны в непосредственной близости от именуемых гидрообъектов. В основе подобных наименований лежит метонимия: *метик* «сосновый смешанный с еловым лес на пне» (Арх. Шенк — КСТЭ) > прб. (прк.) *Метик* (ЛК, 15; ЛРС, 64); *борки* «сухие, возвышенные места, островки посреди болота» (Арх. Леш, Холм; Влг, К-Гор, Вытег, Белоз; Костр. Пыщуг — КСТЭ) > прб. (прк.) *Борки* (ЛК, 30; ЛРС, 45); *чистка* «чистое безлесное место на болоте» (Влг. Вожег), «участок леса, расчищенный под пашню» (Костр. Шарья — КСТЭ) > прб. *Чистка* (ЛК, 17); *травник* «сенокос на болоте» (Арх. Карг), «травянистая полянка в глухом лесу» (Арх. Пин — КСТЭ); «хороший дуг, травное место, низменное или сыроватое место, где трава и в засуху растет лучше» (Даль IV, 424) > прб. *Травник* (ЛК, 15); *груздовый* «о месте, где растет много груздей» (Влг. Ник — КСТЭ) > прб. *Груздовые* (ЛК, 58).

К третьей, весьма незначительной группе микрогидронимов относятся описательные названия, данные в связи с различными особенностями самих географических объектов. Некоторые микрогидронимы отражают особенности строения гидрообъектов. В специальной литературе отмечается, что перекаты обычно состоят из верхней и нижней кос, седловины (седла) — вала из наносов, соединяющего косы, и корыта — наиболее глубокой части седловины, по которой проходит судовой ход [7]. Отдельные перекаты получили наименование по более важным для судоходства элементам гидрообъекта. Аппелятивы *седло* и *корыто*, являющиеся названиями частей переката, становятся собственными именами — прб. (прк.) *Седло* (ЛК, 39; ЛРС, 35), прб. *Корыто* (ЛК, 31). Лексема *корыто* бытует в значениях «русло реки» [8], «узкая судоходная часть переката». Ср.: «перекат представляет собою узкое

корыто шириною 30 м, проходящее между двумя гравелисто-каменистыми грядами» (ЛРС, 112–113). В архангельских говорах корыто «точечная глубь» (оз. Лача), в вологодских устюжских — «углубление в дне»: *Лох стоит в корыте* (КСТЭ).

Внешнюю форму, характер гидрообъекта отражают названия порогов типа *Опечек* (ЛК, И), *Каменный пояс* (ЛК, 70), *Луковая заструга* (ЛК, 34; ЛРС, 41). Аппелятив *опечек* употребляется в русских говорах в значениях «песчаная подводная отмель в реке» (сиб. — Даль II, 678), «подводный бугор на илистом или песчаном дне» (Мурзаевы, 162), «небольшой подводный галечный бугор на дне реки»*. *Поясом* в старину называли «горный хребет, протянувшийся узкой полосой на далекое расстояние» (Мурзаевы, 181); в архангельских говорах *пояс* — «длинная гряда льда» (Даль III, 376). Название заструги *Луковая* образовано от существительного *лука* «длинная излучина реки, дуга, мыс, залив». На Кольском полуострове отмечен топоним *Луковый мыс* (Мурзаевы, 141). У В. Даля *лука* — «заворот реки, дуга» (II, 272). *Луковая заструга* — каменная коса в форме дуги.

Некоторые гидрообъекты получили наименования по особенностям почвы, грунта. Аппелятив *опока* в ряде архангельских и вологодских говоров употребляется в значениях «белый камень типа известняка» (КСТЭ), «меловой известняк, известковый суглинок, белая сероватая глина для обмазки щелей в избе» (арх.-мез. — Даль II, 681). Название одного из самых опасных порогов Сухоны *Опоки* или *Опоки* (ЛК, 9; ЛРС, 14) восходит к данному аппелятиву. К тому же типу наименований относится название мели *Глинка* (ЛК, 68; ЛРС, 15), кос *Каменная* (ЛК, 60) и *Каменка* (ЛРС, 48).

Названия ряда гидрообъектов, чаще камней, возникли в результате метафорического переноса наименования, основанного на сравнении предметов. Источниками метафор обычно являются названия предметов быта и наименования животных. По сходству внешнего вида, расположения элементов гидрообъекта с предметами быта возникли микрогидронимы: прб. *Борона* (ЛК, 7; ЛРС, 73), гряда *Борона* (острые торчащие камни переката ассоциируются с зубьями бороны), прк. *Клюк* (ЛК, 28; ЛРС, 47) —

*Земляновский Д. К. Лоция внутренних судоходных путей, с. 36.

в архангельских, верхнетоемских, холмогорских, а также в ряде вологодских диалектов *клюк* и *клюка* — «кочерга» (КСТЭ). Ср. также микрогидроним *Зажубра* (ЛК, 5; ЛРС, 77) — *зажубра* в беломорских говорах «надрез, зазубрина у рыболовецкого крючка около носка» (СРНГ X, 89).

Сходство формы, внешнего вида гидрообъектов с предметами быта и частями тела привело к образованию таких названий камней, как *Сундук* (ЛК, 34), *Ступа* (ЛК, 31), *Копна* (ЛК, 33), *Подушка* (ЛК, 30), *Плита* (ЛК, 20), *Сахарная Голова* (ЛК, 34), *Брюшина* (ЛК, 7). Ср. также названия кос *Верхний Клык*, *Нижний Клык* (ЛК, 31) [9]. В ряде говоров *клык* — «оставшийся зуб после выпадания остальных» (СРНГ XIII, 315).

Более сложные ассоциации вызывают названия перекатов *Заслонка* и *Говейник* (*Говенник*). В основе образования микрогидронима *Заслонка* (ЛК, 23) лежит перенос названия по функциям (закрывать печь, «закрывать» реку). По признаку «соединение чего-либо» (в данном случае берегов) получил обозначение перекат *Говенник*, *Говейник* (ЛК, 15). В архангельских (холмогорских) и вологодских (кичменгско-городецких) говорах апеллатив *говейник* (*говенник*) — «деталь в санях, соединяющая полозья» (КСТЭ).

Названия животных послужили источником метафорического переноса при наименовании камней: *Свинья* (ЛК, 13), *Свинья-Камень* (ЛКСВ, 74), *Корова* (ЛК, 30), *Лось*, *Лосенок* (ЛК, 35; ЛРС, 39), *Осленок* (ЛРС, 124) и др.

Отметим в заключение несколько микрогидронимов, в основу которых положена эмоциональная оценка гидрообъекта: кам. *Сатана Черторовина* (ЛК, 3), кам. *Не пролей кашу* (ЛК, 35), *Безумная слуда* (ЛРС, 123) — высокий участок левого берега и пр.

Таким образом, именно природой гидрообъектов, обычно находящихся под водой и скрытых от непосредственного наблюдения, обусловлен самый активный способ номинации — по ориентирам, расположенным на берегу. Такие локативные названия весьма удобны для судоводителей, поскольку помогают четко определить местонахождение опасного участка реки. В связи со сказанным оправдана и немногочисленность названий, связанных с особенностями самих гидрообъектов. Характерно, что некоторые

микрогидронимы (*Игумениха, Коварзиха, Епишино, Нефедов, Таганчик, Окунь, Весельный, Чулзан* и др) не поддаются интерпретации. Можно полагать, что они восходят все же к ойконимам и гидронимам, выпавшим из речевого обихода в связи с исчезновением обозначаемых ими географических объектов. Обращение к материалам местной деловой письменности XVII в. дает возможность установить наличие в прошлом первичных топонимических именовании, исчезнувших в XX в. Например: прб. *Скоморошица* (ЛК, 18) — «*дер. Слудка Скоморошица тожь*» (Писц. кн. Тот. у. 1623 — ЦГАДА. Ф. 1209. Л. 401); прб. *Ржаник* (ЛК, 35) — «*починок что была пустошь Ржаник*» (Пер. кн. Тот. у. 1623 — ЦГАДА. Ф. 1209. К-486. Л. 724); заструга *Мокруша* (ЛК, 12) — *пожня Мокруша*» (Писц. кн. Тот. у. 1676 — ЦГАДА. Ф. 1209. Л. 597); коса *Кочеватка* (ЛК, 38) — «*наволок Кочеватка*» (Писц. кн. Тот. у. 1676 — ЦГАДА. Ф. 1209. Л. 583) и т. д.

По структуре подавляющее большинство микрогидронимов простые, однословные. Такого рода названия содержат один признак обозначаемого объекта. Число составных наименований, включающих помимо основного дополнительный признак, сравнительно невелико. Характерно, что почти все составные названия содержат только один дополнительный признак — указание на местонахождение одного гидрообъекта относительно другого. Ср., например: прк. *Верхний Ихалицкий*, прк. *Средний Ихалицкий*, прк. *Нижний Ихалицкий* (АРС, 25); прк. *Верхний Неводок*, прк. *Нижний Неводок* (АРС, 44); прб. *Верхний Огород*, прб. *Нижний Огород* (ЛК, 29); прк. *Верхний Осовой*, прк. *Нижний Осовой* (АРС, 33); прб. *Верхний Кривец*, прб. *Нижний Кривец* (ЛК, 26).

Итак, специфика микрогидронимов в сравнении с другими классами микротопонимов состоит в следующем: а) названия естественных препятствий относятся по преимуществу к локальному семантическому типу; б) образуются они повторением имен собственных — топонимов (не антропонимов) и местных географических терминов; в) принципы и способы номинации гидрообъектов, обусловленные как природой последних, так и узкой профессиональной сферой употребления названий, едины для большинства рек Северного бассейна.

Примечания

1. *Галушко А.Г.* Названия «каменной» р. Чусовой // Вопросы топонимстики. Свердловск, 1962. Вып. 1; *Корепанова А.П.* Прикметникові мікрогідроніми басейну Десни з суфісом *-ськ-* // Територіальні діалекти і власні назви. — Київ, 1965; *Крюкова А.С.* Семантический и словообразовательный анализ микротопонимии Приуралья // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. Вып. 1; *Горшнич В.О.* Сучасні словотворчі тенденції в розвитку мікрогідронімії Сумщини // Питання гідроніміки. — Київ, 1971; *Нікуліна Н.П.* До вивчення мікротопоніміки, пов'язаної з історією Дніпровського лоцманства // Українська народна лексика. — Дніропетровськ, 1973; и др.

2. *Антипов Н.П.* О некоторых особенностях р. Сухоны // Вологодский край. — Вологда, 1960. — Вып. 2.

3. Об идентичности семантики данных терминов свидетельствует тот факт, что одни и те же гидрообъекты в лоции 1931 г. называются *переборами*, а в лоции 1950 г. — *перекатами*. Например: *перебор Ямской* (ЛК, 34) — *перекат Ямской* (ЛРС, 41); *перебор Яриловский* (ЛК, 10) — *перекат Яриловский* (ЛРС, 69) и др.

4. *Отин Е.С.* Топонимическая метонимия (вид связи «гидроним — ойконим») // Перспективы развития славянской ономастики. — М., 1980. — С. 106.

5. Наличие дифференцирующих определений является проявлением тенденции к расподоблению тождественных названий.

6. Ср. еще *ростока* «слияние двух ручьев»: *Ростока* — 8; *Ростоки*; *Росточка*; *Зворова Ростока*. (*Поспелов Е.М.* Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат // Микротопонимия. — М., 1967. — С. 27).

7. *Земляновский Д.К.* Лоция внутренних судоходных путей. — М., 1979. — С. 40.

8. *Борек Г.* Восточнославянские топонимы с формантом *-ьн* // Восточнославянская ономастика. — М., 1972. — С. 98.

9. *Земляновский Д.К.* Лоция внутренних судоходных путей... — С. 36.

10. *Чайко Т.Н.* Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики. — Свердловск, 1974. — Вып. 7–8. — С. 100.

Список сокращений источников

ЛК — Лоцманская карта р. Сухоны с притоком Вологдой. Архангельск, 1931.

ЛКСВ — Лоцманская карта рек Сухоны и Вологды. — М., 1973.

ЛРС — Лоция р. Сухоны. От истока из оз. Кубенского до слияния с р. Юг и г. Великого Устюга. — Череповец, 1950.

МОВП — Маршрутное описание водных путей Северного бассейна. МРФ РСФСР. — М., 1977.

МОРР — Материалы для описания русских рек и история улучшения их судоходных условий. — Вып. 28 (р. Сухона).

СНМ — Списки населенных мест Российской империи. — СПб., 1861. — Т. 7 (Вологодская губ.).

Лексика подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского уезда XVI—XVII вв.

Лексика подсечно-огневого земледелия с давних пор привлекала внимание лингвистов [1]. В большинстве языковедческих работ эти термины рассматриваются попутно, при описании других лексико-семантических групп. В некоторых исследованиях комментируются лишь отдельные слова. Наряду с языковедческими работами несомненную ценность имеют исследования по аграрной истории, где даются толкования значения многих утраченных литературным языком и диалектами древних терминов подсечно-огневого земледелия, а также приводятся сведения о локализации и хронологии их [2].

Интерес к данной лексико-семантической группе слов не случаен. Это один из самых древних, активных и важных слоев лексики славянского происхождения, история которого хорошо прослеживается по материалам деловой письменности и данным современных говоров. Обращение к истории терминов подсечно-огневого земледелия дает возможность затронуть многие важные вопросы русской исторической диалектологии: выявление новых локальных явлений ранней поры, формироавние новых диалектных объединений разных периодов развития русского языка, проблему междиалектного контактирования и т.п.

По словам историка Г.Е. Кочина, подсечно-огневое земледелие было развито посеместно на Руси вплоть до XII—XIII вв. [3] С середины XIII в. оно постепенно начинает заменяться паровым, или пашенным, но процесс этот совершался медленно и не одновременно на всей территории Московского государства. Рассмотрение истории лексики подсечно-огневого земледелия в говорах Устюжского у. интересно хотя бы уже потому, что на этой территории оно сохранялось как дополнение к полевому (пашенному) длительный период, вплоть до XX в. Естественно, что в отношении частотности использования и разнообразия терминологии подсечно-огневого земледелия деловые документы Устюга Великого выгодно отличаются от актового материала других регионов.

Терминология подсечно-огневого земледелия Устюжского у XVI—XVII вв. была весьма разнообразна. В состав ее входили слова: *новина*, *новинка*, *дерюга*, *льнище*, *дерьба*, *ржище*, *притереб*, *репище*, *новочисть*, *новоросчисть*.

Наиболее частотные термины, имеющие широкий ареал, — *новина* и *новинка*. Они отмечены в документах ряда станов и волостей Устюжского и Тотемского у. в значении ‘вырубленный и выжженный под пашню участок крупного леса, подсека’: А межа промежь деревнями Золотавцовымъ да Слободкою... на сосну на большую... а отъ тоя сосны къ *новинъ* прямо на угольную яму, отъ ямы возлѣ *новину* по край лѣсу... через новину на сосну на рубежную по край *новину* стоит (Делов. гр. Сухон. ст. 1601г.; АВУМ I, 100); а на тѣ нам подмошныя денги высѣчи *новины* четверть ста въ первой годѣ, а въ другой годѣ выжетчи и выпрятати, и посѣти (поярдная И. Ерофеева Яхр. вол. 1634; АХУ XIV, 944).

География слова в современных вологодских говорах совпадает с ареалом его по данным актовой письменности. Термины *новина* и *новинка* ‘подсека’ известны диалектам Великоустюжского, Кич-Городецкого, Никольского, Бабушкинского, Тарногского, Вожегодского районов: *Навина* — это место в лесу, деревья вырубали, потом землю пахали (Ник. Полежаевка); *Навина* — поляна, где лес вырублен (В-У Будрино); Здсь говорят носили лапти-то, как *новину* катили (Тарн. Филимоновская). В говорах Кич-Городецкого района в значении ‘подсека’ употребляется слово *новинка*: Место в лесу выжигали под лен — это *новинки* (К-Г Шестаково) — КСВГ.

По данным картотеки СРЯ XI—XVII вв. и областных словарей, ареал этого слова с давних пор охватывал территорию Северо-Востока. *Новина* и *новинка* ‘подсека’ зафиксированы в онежских, холмогорских, важских и двинских источниках: расчищают *новины* через 5 лет (Запросн. Холмогор. окр. XVIII в.; Сев. Р. I, 221); Да Митя Александров складниками заплатил дань и оброк по сотной... с Софроновские деревни... да с Носковых *новин* 6 алтын (Сотн. пам. Троиц. вол. Важ. у. 1593; САС III, 358). Материалы русских говоров XIX в. дают в основном тот же ареал (олонецкие, архангельские, каргопольские, онежские, верхнетоемские, пинежские, шенкурские, пермские диалекты) — КСРНГ. Южнее,

в ярославских и московских говорах, это слово в таком значении неизвестно [КЯОС, 125; Иванова, 292]. В ряде диалектов новина употребляется в значениях 'целина' и 'тканый материал' (КСРНГ). На наш взгляд, на территории исследуемого региона располагается юго-западное окончание ареала термина *новина* в значении 'подсека'. Основная зона его распространения — архангельские и пермские говоры.

Менее частотны в документах Устюжского у. XVII в. слова *дерюга* и *ржище*. Эти термины употреблялись в одном и том же значении, но варьировались территориально: *дерюга* был известен говорам Тотемского у. и южной части Устюжского, *ржище* — диалектам северных станов Устюжского у. Слова *дерюга* и *дерюжка* в значении 'подсека под посев зерновых' документированы источниками Шарженгской вол. Устюжского у.: Новоросчистное по-винное мѣсто и черной лѣсь... свѣрх рѣчки Рябихи к Вавилкова *дерюге* по верхнюю сторону увал, а с того увалу за рѣчку Шипшенгу на Ивашка Прокопьева *дерюги* (П.К. Шарж. вол. 1680, 38); а межа... отъ рѣчки Аргуновки на березу да угольную яму и по край дерюшки и на росоховатую ель (Там же, 16) В СРЯ XI—XVII вв. в таком значении это слово не отмечено.

Ареал лексемы *дерюга* по материалам говоров XIX—XX вв. несколько шире и охватывает восточные вологодские диалекты — грязовецкие, нюксенские, великоустюгские, тотемские, николевские. Было известно это слово и говорам Кичменгско-Городецкого района, поскольку на территории Нижне-Ентальского сельсовета активен топоним *Дерюги* (КСВГ). Более древнее значение 'место, расчищенное из-под леса под посев зерновых' лексема *дерюга* сохраняет в тотемских говорах (СРНГ VIII, 27—28) [4]. В других диалектах она употребляется с поздними, вторичными значениями: 'маленькая поляна' (великоустюгские), 'небольшой лесок, выросший на очищенном от леса месте или в поле' (нюксенские), 'место, поросшее мхом или мелким лесом' (грязовецкие, николевские) — СРНГ VIII, 27—28. Не вызывает сомнения тот факт, что все эти вторичные значения восходят к более раннему 'подсека'. Помимо восточных вологодских говоров, слово *дерюга* известно еще северодвинским, где оно выступает в позднем значении 'перелож-

ная пашня' (Там же). *Дерюга* — слово узкого ареала, поскольку в других диалектах в таком значении не отмечено (СРНГ). Можно полагать, что данная лексема — инновация диалектов Тотемского и Устюжского у.

В северных говорах Устюжского у. в таком же значении, как *дерюга*, употреблялось слово *ржище*: да на *ржище* посияно овса четыре четверика... да на *ржище* посияно ячмѣни два четверика (Кн. для записи посеян. хлеба Тр.-Глед. мон., 1536; ГАВО. Ф. 693. Оп. № 1. № 79. Л. 1, 24, 31; волости Утмановская, Орловская, Ивановская, Яхренская, Комарицкий стан и др.).

В прионежских, новгородских, архангельских (холмогорских, пинежских, лешуконских), курских, рязанских говорах, в диалектах Урала и Сибири *ржище* — это 'пашня, засеянная рожью, или ржаная нива' (КСРНГ). И только в архангельских вельских диалектах оно отмечено в значении 'поле, засеянное рожью по вырубленному и сожженному лесу' (КСРНГ). Как видно, северные устюжские говоры, где слово *ржище* относится к терминологии подсечно-огневого земледелия, составляют восточную часть ареала данного лексического явления, основная территория распространения которого — архангельские вельские говоры.

С близкими значениями употреблялись в устюжских говорах XVII—XVIII вв. термины *льнище* и *дерба*. *Льнище* — 'подсека на мелколесье под посев льна' — документировано памятниками Устюжского у. начала XVII в.: Да что земля въ Григорьевскомъ полѣ Батаково *льнище* по стороне ея поженка, и та земля и поженка въ Григорьевском полѣ для ради огорода (Делов. Ерогод. вол. Уст. у. 1607; АВУМ I, 80). Как термин подсечно-огневого земледелия слово *льнище* сохранилось в говорах Великоустюжского, Кичменгско-Городецкого, Никольского районов, занимающих территорию, относившуюся в прошлом к Устюжскому у.: Раньше отмеривали полосы леса, вырубали его, катили *новинки*, потом боронили деревянной бороной, на *льнишище* сеяли лен (В-У Усть-Алексеевское); *Льнишище* — подсека по первому году, после уборки льна выкорчевывали пни, это уже новочисть. (Там же); *Льнишища* — это огнем сожегчи, а сперва вырубить (К-Г Ушаково).

В Никольском районе отмечен топоним *Третьегодное Лънище*: На *Третьегодном Лънище* рожь сеют (Терехино) [5].

Помимо великоустюгских говоров, *лънище* ‘подсека’ известно вытегорским, архангельским, каргопольским, верхнетоемским, шенкурским, пинежским, холмогорским (КСРНГ).

Как видно, ареал *лънище* в этом значении охватывает говоры, расположенные по течению Онеги, Сев. Двины и ее притокам. Великоустюгские и кичменгско-городецкие диалекты, где фиксируется этот термин подсечно-огневого земледелия, составляют южную оконечность ареала данного лексического явления.

Широко распространен термин *лънище* в ином значении — ‘поле, на котором сеют лен’. По материалам картотеки СРНГ, в таком значении он отмечен в псковских, новоржевских, славковских; новгородских; прионежских, олонецких; вытегорских; калининских старицких; архангельских, шенкурских, холмогорских; вятских, важталских, медянских; калужских; диалектах Среднего Урала, Сибири (КСРНГ).

Можно полагать, что *лънище* — ‘подсека из-под мелкого леса под лен’ — местная инновация северодвинской диалектной зоны.

Слово *дерба* в говорах Устюжского у. XVII в. не относилось к терминологии подсечно-огневого земледелия, оно имело значение ‘залежь, целина’. Именно так толкуется данный термин в СРЯ XI–XVII вв. — ‘залежь, заросшая пашня, с которой сдирается (срезается) верхний слой’: Да *дербы* мне поднет и въ два года на мЪру на рож по полумЪре на год (Колл. Зинченко; № 32, сст. 2, 1633) — СРЯ XI–XVII вв., IV, 219 [6]. Термин *дерба* фиксируется в документах Троице-Гледенского монастыря XVIII в. (г. Устюг Великий), причем приводятся сведения по соседнему с Устюжским Усольскому у.: в *дербу* посеяно овса четыре четверика... в *дербу* посеяно овса три четверика (Кн. посеян. хлеба Усольск. у. Пятниц. сельцо 1736; ГАВО. Ф. 693. Оп. 1. № 79. Л. 41—41об.). Значение слова в контексте вскрыть трудно, однако можно полагать, что *дерба* — ‘подготовленная под посев залежь, целина’.

Как свидетельствуют материалы русских говоров XIX в., в южной части Устюжского у. *дерба* имело иное значение и являлось термином подсечно-огневого земледелия; оно, как и *лънище*, обо-

значало 'подсеку на мелколесье'. Учитывая этимологию, можно утверждать, что *дерба* — это 'раскорчеванная подсека'. В таком значении 'раскорчеванная подсека под лен' — это слово имело узкий ареал и фиксировалось по преимуществу в юго-восточных устюжских говорах (СРНГ VIII, 9) [7]. В николевских диалектах сочетание *дербу драць* означало 'расчищать под пашню мелкую заросль, с выкорчевкой, сдирать моховину и кочкарник, дернину' (Д I, 429). Об активном бытовании этого слова в николевских говорах свидетельствует микропонимия — названия сенокосных угодий *Егорихина Дерба, Грязная Дерба* (КСВГ).

В памятниках Псковского у. регистрируется однокоренное *дербина* в значении 'залежь': И живучи мнѣ с тое деревни по выделу монастырской пятиной хлѣбъ отвозити въ монастырь по вся годы... и пашня роспахати, и пожни роскосити, и *дербина* роздирати (Порядн. кр-на И. Изборянкина 1629; АИТН I, 13). В конце XIX в. это слово отмечено в новгородских, валдайских, петербургских петергофских, архангельских пинежских говорах (СРНГ VIII, 7). По всей вероятности, слово *дербина* занесено в архангельские говоры в отдаленном прошлом новгородской колонизацией, а *дерба* 'подсека' — местная инновация южных устюжских (николевских) диалектов.

К терминам подсеčno-огневого земледелия в говорах Устюжского у. относится лексема *притереб*. Словам с корнем *-тереб-* посвящена значительная литература [8]. По мнению Ф.П. Филина, глагол *теребити* и производные в X—XI вв., раньше на юге восточного славянства, являлись терминами подсеčno-огневого земледелия, но вместе с отступлением подсеки на север на юге потеряли значение апеллятива и перешли в топонимы [9]. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарчук, слова с корнем *-тереб-* утрачены в восточнославянском языке в целом и сохраняются как реликтовое явление на крайнем северо-западе северновеликорусского наречия [10].

Из всех лексем с корнем *-тереб-* (*теребѣ, теребохъ, потеребѣ, притеребѣ*) в местных устюжских источниках отмечен только термин *притеребѣ* [11]. Это слово весьма частотно в документах Устюжского у. Оно регистрируется при описании земельных уго-

дий ряда станов и волостей (Сухонский стан, Едома, Ерогодские волости, Котовал, Иванов погост, Леонтьевский коней — посад г. Устюга Великого и т.д.): Се язъ Василій Ивановъ сынъ Пряженово, изъ Леонтьевского конца... отдалъ есми землю Воронинскую... и съ пожнями, и съ *притеребы*, и съ угоди, куды топоръ и соха и коса ходила (Посыльная гр. 1594; АВУМ, I, с. 12; см. также Купчая 1525 г., с. 114; Купчая 1526 г., с. 172; Купчая 1551 г., с. 87; Купчая 1583 г., с. 83 и т.д.).

Судя по материалам местной деловой письменности, данное слово употребляется по преимуществу в составе трафаретного словосочетания, обладающего известной устойчивостью: что къ той деревни изстари потягло, куды топор, и соха, и коса ходила и съ пожнями, и съ путики, и съ *притеребы*, и съ езовици (Купчая Уст. у. 1536; Там же. С. 172). Устойчивая формула могла варьироваться: мы владѣли (деревней) по старымъ межамъ и съ лѣсы, и съ *притеребы*, куда топор и соха и коса ходила (Купчая 1583; Там же, с. 83); А отдалъ есми ту четверть плуга... и что къ той четверти изстари потягло, и съ *притеребы* (Посыльная гр. 1577; Там же, с. 18). Поскольку термин *притереб* употреблялся в составе устойчивой формулы, вскрыть значение его представляется трудным. В документах более северных и восточных уездов, где он также весьма частотен, *притереб* — это 'лесной участок, причищенный под сенокос или пашню' [12]. Можно полагать, что в данном же значении употреблялось данное слово и в устюжской письменности. Использование его в составе устойчивой фразы наводит на мысль о выпадении этого слова из активного обихода. Материалы современных говоров дают возможность уточнить ареал лексемы *притереб*. На территории, занимаемой вологодскими говорами, она имеет узкий ареал, так как употребляется по преимуществу в говорах северной части Великоустюгского и Тарногского районов.

По памятникам письменности XV—XVII вв. других территорий, *притереб* фиксируется поморскими, двинскими, сольвычегодскими и яренскими актами [13]. По сведениям областных словарей, основная территория его распространения в XIX в. — архангельские, холмогорские, пинежские говоры. Там оно выступает в значении 'расчищенная под сенокос луговая окраина'

(КСРНГ, Подвысоцкий). На территории, занятой Вологодской группой говоров, располагается лишь южная оконечность ареала данного слова.

В значении 'вырубленный и выжженный участок леса обычно под посев репы' употреблялось в документах Устюжского у. XVI — XVII вв. слово *рѣщице*: Онъ же Михайло на *рѣщицахъ* рожь да рѣпу сияль (Список с записи Яхр. вол. Уст. у. 1641; АХУ, XII, с. 219). Ареал *рѣщице* 'подсека', выявленный на актовом материале, прослеживается и на материале говоров: данное слово известно кадниковским, великоустюгским, никольским, сольвычегодским диалектам (КСРНГ).

Что касается других территорий, то в прошлом, в языке древнерусской и великорусской народности, *рѣщице* — широкоупотребительное слово. Оно отмечено в смоленских, новгородских говорах, в русских говорах КАССР, в северодвинских, московских, рязанских документах [14]. Г.Е. Кочин регистрирует его в памятниках Бежецкого и Костромского у., в северной части Белозерья и во владениях на севере Новгородской земли [15]. К XX в. ареал данного слова сузился настолько, что совпал с территорией распространения севернорусского наречия. Особенно последовательно фиксируется оно в северной части Вологодской и Ладого-Тихвинской групп говоров, а также в Онежской и Лачской межзональных группах [16].

В писцовых книгах Устюжского у. XVII в. употреблялись термины *новочисть* и *новоросчисть*, имевшие значение 'расчищенный под сенокос участок мелкого леса': а межа... до концеѣ нижнего конца *новочисти*, что чистил дьячок Клишко Дорофеев (Вып. из писц. кн. Утм. вол. 1688; ВОКМ. № 2134. Л. 31); и на рѣчке на Анданге на *новоросчистѣ* сто копень (П. К. Шарж. вол. 1680. Л. 13). В актовой письменности Устюжского у. активно имя прилагательное *новоросчистой*: сѣна по Шарженге... шестьдесят шесть копень и сѣ *новоросчистными* (Там же. С. 21). В этот же период наблюдается выход данного апеллятива в топонимию: Пожня *Новочисть* подлѣ Морозовской островъ (Список с закладн. 1671; АХУ, XII, с. 431). Как считает Н.С. Бондарчук, эта лексема с давних пор локализуется к северо-востоку от Москвы, поскольку

документируется онежскими, важскими, двинскими, нижегородскими, владимирскими, костромскими, московскими, рязанскими источниками [17].

Наряду с *новочисть* в современных вологодских говорах употребляются в том же значении однокоренные лексемы *чищенина* (тарногские говоры), *чищеник* (тотемские), *чищоба* (верховажские), *чищенька* (никольские), *почистка* (великоустюгские) — КСВГ. Следует подчеркнуть, что в имеющейся в нашем распоряжении деловой письменности XVI—XVIII вв. они не зафиксированы.

Помимо тарногских, слово *чищенина* употребляется в прионежских, архангельских, холмогорских, шенкурских, пинежских, кеврольских говорах. По материалам картотеки СРНГ, термин *чищоба* 'подсека' известен архангельским вельским, пермским, пензенским, вятским, нижегородским, владимирским, слово *чищеник* отмечено в новгородских боровичских и калининских осташковских (КСРНГ).

Как видно из сказанного, значение терминов подсечно-огневого земледелия в устюжских говорах XVI—XVII вв. было четко дифференцировано, за каждым словом закреплено свое специфическое содержание, поскольку соответствующие денотаты отличались разнообразием. Так, *новина* и *новинка* — это 'подсека под посев в крупном девственном лесу', *дерба* — 'подсека на мелколесье с выкорчеванной растительностью', *льнище* — 'подсека на мелколесье под посев льна', *репище* — 'подсека под посев репы', *новочисть* — 'расчищенный под покос участок мелкого леса', *притереб* — 'расчищенная под покос луговая окраина' и пр. Выделялась значительная группа слов, обозначающих лесной участок, разработанный под посев, — *новина*, *новинка*, *дерба*, *дерюга*, *льнище*, *репище*, *ржище*. Лесной участок, разработанный под покос, обозначался лексемами *новочисть*, *новоросчисть*, *притереб*. Обращает на себя внимание тот факт, что более дифференцированными в XVII в. оказались названия подсек под посев.

Лексика подсечно-огневого земледелия в устюжских говорах XVI—XVII вв. обнаруживает тесные связи с соответствующей терминологией северодвинской диалектной зоны. Основная терри-

тория бытования терминов *новина*, *льнище*, *притереб*, *ржище* *чищенина* — северодвинская диалектная зона. На территории Устюжского у. располагались в XVII в. лишь южные окончания ареалов данных лексем. Распространение терминов *новочист* и *чищоба* было более широким и охватывало северо-восточную диалектную зону. В Устюжском у. фиксировались западные оконечности ареалов этих слов. К местным инновациям относятся термины *дерюга* и *дерба* 'подсека'.

С течением времени в связи с активизацией полевого (пашенного) земледелия в Устюжском у., в связи с нивелирующим влиянием литературного языка происходят значительные изменения в составе данной лексико-семантической группы. Многие термины архаизируются и выпадают в этих значениях из речевого обихода (*ржище*, *притереб*), ареалы других слов сужаются. В современных великоустюжских, никольских, тарногских, кичменгско-городецких говорах ряд терминов вообще выходит из состава лексики подсечно-огневого земледелия и выражает понятия, связанные с полевым (пашенным) земледелием. Так, например, в кичменгско-городецких говорах *дерба* — это уже не подсека, а 'сухое, открытое место в лесу, сенокос' (Н-Ентальское), *ржище* — не подсека, а 'поле, которое дает самый высокий урожай ржи'. В бабушкинских говорах *льнище* — это не подсека, а 'поле, где рос лен'. Ряд терминов подсечно-огневого земледелия переходит в состав географической терминологии: в нюксенских диалектах *дерюга* — 'небольшой лесок', в грязовецких — 'место, поросшее мхом и мелким лесом'.

Некоторые слова сохранились в составе лексики подсечно-огневого земледелия, однако они в такой степени изменили свое семантическое содержание, что трудно уже говорить о четкой дифференциации значений. В ряде говоров происходит расширение и сужение их значения. В кичменгско-городецких диалектах *льнище* — это 'подсека под посев любых сельскохозяйственных культур', а не только льна (Ушаково), в то время как *новина* — 'подсека под лен' (Шестаково, Суд-гора). То же можно наблюдать в тарногских (Коротковская) и великоустюжских (Б. Слобода) диалектах.

Примечания

1. Потевня А.А. К истории звуков русского языка. Этимологические заметки. — Ч. 1 и 2. — Варшава, 1880—1883; Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. УЗ АГПИ им А.И. Герцена. — Т. 80. — Л., 1949; его же. Происхождение русского, украинского, белорусского языков. — Л., 1972; Смолицкая Г.П. Апеллятив и топоним в составе народного говора // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. — 1972. — М., 1974; Бондарчук Н.С. Проблемы исторической региональной лексикологии. — Калинин, 1978 и др.

2. Советов А.В. О системах земледелия. — СПб., 1866; Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. — СПб., 1891; Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства с конца XIII до начала XVI в. — Л., 1965; Петров В.П. Подсечное земледелие. — Киев, 1968 и др.

3. Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства с конца XIII до начала XVI в. — С. 141.

4. В работах историков, исследовавших систему земледелия в Тотемском у., термин *дерюга* употребляется в значении 'выжженный участок леса под посев пшеницы, ячменя, ржи' (Скворцов Л. Бережнослободская вол. Тотемского у. Вологодский сборник. — Т. 2. — Вологда, 1881. — С. 28; Загорский П.А. Первый шаг в деле улучшения полевой культуры у крестьян Тотемского у. Вологодской губ. — М., 1885. — С. 65—66, 68—69).

5. «В Вологодской, Олонецкой и частью Костромской губ. лен сеют почти исключительно на подсеках». (Петров В. Подсечное земледелие. — С. 153; см. о подсеках-льницах у И.П. Щекотова. Лесопольная система хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1884. — № 10. — С. 66, 103, 176, 189 и т.д.)

6. Судя по наличию метрологической единицы *мъра*, иллюстрация относится к документам Устюжского у.

7. По мнению историка Г. Потанина, дербы в Никольском у. — места, выжженные под лен. Потанин Г. Никольский у. и его жители. Древняя и новая Россия. 1876. — Т. 3. — С. 148.

8. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского, белорусского языков. — Л., 1972; Смолицкая Г.П. Апеллятив и топоним в составе народного говора; Бондарчук Н.С. Семантическое поле земля по способу подготовки для сельскохозяйственного использования в географической проекции // Лексикограмматические исследования по русскому языку. — Калинин, 1977 и др.

9. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского, белорусского языков... — С. 548.

10. Бондарчук Н.С. Проблемы исторической региональной лексикологии... — С. 33.

11. По материалам топонимики в далеком прошлом в диалектах исследуемого региона употреблялись и другие термины с этим корнем. В Вологодском у.

в XIX в. зафиксирован, например, микротопоним *Гостинной Тербок* (название сенокоса) // ВГВ. — 1841. — Октябрь.

¹² Бондарчук Н.С. Проблемы исторической региональной лексикологии. — С. 21–22.

¹³ Там же.

¹⁴ Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья. Очерки по лексике севернорусских говоров. — Вологда, 1975.— С. 66.

¹⁵ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси... — С. 223.

¹⁶ Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья... — С. 66.

¹⁷ Бондарчук Н.С. Семантическое поле земля... — С. 14–15.

Условные сокращения

АВУМ — Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. — Ч. 1. — В. Устюг, 1912.

АХУ — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. — Ч. II. — СПб., 1894. — Ч. III. — СПб., 1908.

ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей

ВГВ — Вологодский губернские ведомости

В-У — Великоустюжский район Вологодской области

К-Г — Кичменгско-Городецкий район Вологодской области

Ник. — Никольский район Вологодской области

П.К. Шарж. вол. — Выпись из писцовых книг Шарженгской вол. 1680 // Источники истории г. Вологды и Вологодской губ. XVII в. — Вологда, 1912.

САС III — Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. — Вып. III. — Вологда, 1973.

Сев. Р. — Колесников П.А. Северная Русь. — Вып. I. — Вологда, 1971.

Тарн. — Тарногский район Вологодской области.